

Очерки по теории денег Маркса

Исаак Ильич Рубин

Рукопись¹.

I. Теория стоимости и теория денег у Маркса

Марксова теория денег находится в тесной, неразрывной связи с его теорией стоимости. Связь эта теснее, чем существующая между другими частями экономической системы Маркса. Конечно, теория капитала Маркса также построена на основе его теории стоимости и без нее не может быть понята. Но все же она изучает иной, более сложный тип производственных отношений между людьми как капиталистами и наемными рабочими, в то время как теория стоимости изучает более простой тип производственных отношений между людьми как независимыми товаропроизводителями. Теория же денег изучает не иной тип производственных отношений, чем рассмотренный Марксом в его теории стоимости, а тот же самый тип в его наиболее развитой форме. Деньги не только вырастают из товара, но всегда предполагают товар. Отношение между владельцем товара и владельцем денег и есть отношение между независимыми товаропроизводителями. Владелец денег был вчера производителем и владельцем товара, проданного им за деньги. Поскольку обмен товара на деньги по существу представляет собой обмен товара на товар ($T - D - T$), т. е. приравнивание всех товаров, — эта сторона процесса обмена изучается теорией стоимости. Поскольку обмен товара на товар происходит непременно в форме обмена товара на деньги и денег на товар ($T - D$ и $D - T$), — эта сторона процесса обмена изучается теорией денег. Обе теории изучают различные стороны того же самого процесса.

Этим объясняется двусторонний характер связи между упомянутым двумя теориями. Теория капитала предполагает теорию стоимости, но последняя строится Марксом без помощи предпосылок, лежащих в основе первой. Теория же денег не только вытекает из теории стоимости, но, наоборот, теория стоимости не может быть развита без теории денег и только в ней находит свое завершение. В основе Марксовой теории стоимости лежат предпосылки денежного хозяйства, точнее говоря: за исходный пункт анализа Маркс берет факт всестороннего приравнивания всех товаров друг другу, характеризующий денежное хозяйство и невозможный без посредства денег.

Дальнейшие главы настоящей работы посвящены изложению и обоснованию теории денег Маркса, построенной им на основе теории стоимости и из нее вытекающей. В первой главе мы остановимся на другой стороне той же зависимости между обеими теориями, не обращавшей на себя достаточного внимания. Мы рассмотрим вопрос, в какой мере Марксова теория стоимости построена на предпосылках денежного хозяйства.

Обычно ход рассуждений Маркса в его теории стоимости излагается следующим образом. Маркс берет прежде всего факт обмена двух товаров, т. е. факт приравнивания меновой стоимости двух благ, отличающихся различной потребительной стоимостью. Из факта их равенства или соизмеримости он делает вывод о необходимости особого мерила для их сравнения, каковое мерило и находит в труде. На первый взгляд это рассуждение вполне

¹Рукопись записана черными чернилами на 138 листах большого формата (размером 44, 2 x 35,4 см, сложенных пополам). При нумерации страниц Рубиным была допущена ошибка (после с. 58 была проставлена с. 60), поэтому, согласно нумерации автора, рукопись имеет 139 страниц, что обозначено в заголовке работы, на самом же деле текст записан на 138 листах, пронумерованная с. 88 — пустая. Поскольку на с. 89 начинается новая глава «Средство обращения», можно предположить, что с. 88 была зарезервирована для завершения предыдущей главы «Мера стоимости». В данной публикации частично изменены стилистические особенности авторского текста, исправлены без оговорки лишь незначительные орфографические ошибки и явные описки. Подчеркивания в тексте воспроизводятся полужирным шрифтом. Авторские записи на полях рукописи, как правило, поясняющие текст, воспроизводятся непосредственно в тексте рукописи в фигурных скобках. Таким же образом показаны авторские отчеркивания карандашом на полях. Пометки и записи красным карандашом на полях рукописи и некоторые цифры, записанные простым карандашом, имеют чисто технический характер: ими отмечены и, как правило, пронумерованы библиографические примечания и ссылки, а также, вероятно, страницы машинописного экземпляра. Поскольку эти записи, по всей вероятности, не принадлежат Рубину и возникли позднее в процессе перепечатки рукописи на пишущей машинке, в данной публикации они не воспроизводятся. Заметки на полях карандашом, означающие логическую часть раздела вынесены нами в подзаголовки и пронумерованы арабскими цифрами (например, «1. Разделение труда», «2. Двойственность обмена и вещей», «3. Движение потребительной стоимости» и т. д.). Переводы цитат из работ Маркса сохраняются в авторской редакции, соответствующие ссылки на издание использованных Рубиным работ Маркса в составе 50-томного 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также на немецком языке в международном Полном собрании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала (Marx/Engels Gesamtausgabe — MEGA2) даются в постраничных примечаниях в квадратных скобках. Все постраничные примечания в тексте рукописи принадлежат И. И. Рубину. Работа Маркса «К критике политической экономии» называется в тексте рукописи сокращенно «Критика». Это, как и другие сокращенные названия работ Маркса и других авторов, при публикации сохранены по возможности без изменений. Вся уточняющая информация библиографического характера дается при необходимости в квадратных скобках в самом тексте, в постраничных примечаниях или в редакционных примечаниях в конце текста. Оформление библиографических ссылок унифицировано в соответствии с современными правилами. Названия работ, вышедших в России до 1917 г., приводятся в современной орфографии.

правильно передает ход мыслей Маркса на первых страницах «Капитала». Однако более внимательное изучение Маркса показывает нам безусловную ошибочность взгляда, который сводит его теорию стоимости к 1) анализу факта обмена двух товаров, 2) направленному на нахождение мерила их сравнения.

За исходный пункт анализа Маркс берет **не приравнивание одного товара другому, а приравнивание каждого товара всем другим, находящимся на рынке, т. е. всестороннее приравнивание всех товаров друг к другу**. Товар производится не по заказу для определенных лиц, а на рынок, на неопределенный и обширный круг покупателей. Он производится не для обмена на какие-нибудь другие определенные товары, а для продажи, для обмена на деньги, на которые можно купить любые другие товары. На рынке товар получает определенную расценку, рыночную цену, объективную меновую стоимость (отклонения цен от стоимости мы оставляем здесь в стороне), не зависящую от воли отдельных лиц и навязывающуюся им, как объективно необходимый результат действий всего рынка, совокупности всех покупателей и продавцов. Каждый товар приравнивается всем другим товарам (что возможно только через посредство денег). Каждый товар обладает свойством меновой стоимости, т. е. владелец его имеет возможность приравнять его любому другому товару и обменивать его (через деньги) на таковой. Только в таком случае и можно говорить о наличии товара или меновой стоимости, как способности товара к обмену вообще, т. е. независимо от рода товаров, на которые он обменивается, или от лиц, вступающих в обмен. Там, где продукт способен к обмену только на определенные продукты или между определенными лицами, там нет еще меновой стоимости, и к такому обмену теория стоимости не применима.

Что Маркс берет за исходный пункт анализа способности товара к всестороннему приравнению, доказывается с несомненностью его рассуждениями и в «Критике политической экономии», и в «Капитале». Основной факт, из которого исходит «Критика», заключается в том, что товары «в определенных количествах равны друг другу, замещают друг друга при обмене, считаются эквивалентами» (с. 36, S. 3). Все рассуждения «Критики» основаны на том, что меновая стоимость одного продукта выражается во **всех** других продуктах. Говоря о приравнении полотна и кофе, Маркс прибавляет, что меновая стоимость первого «не исчерпывается в этой пропорции», а лишь в «бесконечном ряде уравнений» со всеми товарами (с. 44, S. 16). Льняная пряжа и полотно являются друг для друга эквивалентами лишь постольку, поскольку они являются «эквивалентами для **любой** потребительной стоимости, содержащей равновеликое рабочее время» (с. 39, S. 8).

По существу, таков же ход рассуждений Маркса на первых страницах «Капитала». Обычно внимание читателя сосредоточивается на известном примере сравнения двух товаров, пшеницы и железа, и весь ход Марксовой мысли упускается из виду. Прежде чем перейти к примеру с пшеницей и железом, Маркс констатирует факт обмениваемости пшеницы на всякие другие товары: «Известный товар, например 1 квартал пшеницы, **в самых различных пропорциях обменивается на другие товары**, например на 20 фунтов сапожной ваксы, или на 2 аршина шелка, или на 2 унции золота и т. д.; однако меновая стоимость квартала пшеницы остается неизменной, выражается ли она в сапожной ваксе, шелке или золоте» (Капитал I, с. 3. Выделение наше. — *И. Р.*). Уравнение двух товаров, пшеницы и железа, является только одним из многих, приравнивающих пшеницу всем другим товарам.

Еще яснее выступает мысль Маркса в том же тексте, исправленном по французскому переводу, отредактированному самим Марксом: «Какой-нибудь товар, положим квартал пшеницы, обменивается, на **x** сапожной ваксы или **y** шелка, **z** золота и т. д., словом, он обменивается в разнообразнейших отношениях на другие товары. Следовательно, пшеница, вместо одной, имеет **много меновых ценностей**. Но так как **x** сапожной ваксы, равно как **y** шелка, **z** золота и т. д. составляют каждое меновую ценность квартала пшеницы, то **x** сапожной ваксы, **y** шелка, **z** золота должны быть **способны замещать друг друга** или должны представлять одинаковые меновые ценности. Из этого следует, во-первых, что меновые ценности, на которые обменивается один и тот же товар, **равны между собой**» (Капитал I, перев. под ред. Струве, 1906 г., с. 2. Выделение наше. — *И. Р.*). Раз данный товар приравнивается всем другим товарам, то и все последние равны между собой. Этот текст, воспроизводящий ход мыслей «Критики», подчеркивает факт всестороннего приравнения всех товаров друг другу или, что то же самое, данного товара всем другим, как исходный пункт анализа в теории стоимости.

Дальнейший ход мыслей Маркса таков: **Если данный товар приравнивается двум разным товарам, то последние равны друг другу**, выражая одну и ту же стоимость в двух различных формах. Отсюда следует обратный вывод: **Если два товара** (например пшеница и железо) **равны друг другу, то оба они должны быть равны чему-то третьему**. Это положение, развиваемое Марксом на примере пшеницы и железа и иллюстрированное знаменитым сравнением с треугольниками, подавшим повод к стольким различным недоразумениям, является выводом из основного факта приравнения каждого товара всем другим. Это второе звено рассуждений, которое обычно ошибочно принимается за первое. Уравнение двух товаров дает Марксу право делать умозаключение о равенстве их стоимости только потому, что он берет не изолированное уравнение, а одно из звеньев бесконечного ряда уравнений, в которых каждый из данных двух товаров приравнивается всем другим. Описанный ход мыслей Маркса выступает с полной отчетливостью не только в «Критике», где он положен в основу всего изложения, но и в «Капитале» и, — пожалуй, в еще более ясной форме — в брошюре «Заработная плата, цена и прибыль».

Что меновая стоимость предполагает всестороннее приравнивание друг другу всех товаров, а не только двух, Маркс подчеркивает и в «Теориях прибавочной стоимости». «Вообще там, где существовали бы только два про-

дукта, продукт никогда не развился бы в товар и, следовательно, не развилась бы и меновая стоимость товара» (Theorien, Bd. III, S. 172). Как стоимость, продукт «может быть непосредственно превращаем из одной потребительной стоимости в любую другую» (там же, S. 160. Ср. S. 161, 149—50, 175 и др.).

Из изложенного можно сделать следующий вывод. В своей теории стоимости Маркс берет за исходный пункт анализа не случайное приравнивание двух продуктов в натуре, а всестороннее приравнивание каждого продукта всем другим, происходящее в форме объективной рыночной расценки каждого товара, через посредство денег. Оставляя пока в стороне роль денег, Маркс изучает общий характер и основные результаты этого общественного процесса, сводящегося к всестороннему приравниванию всех продуктов труда. Маркс исследует не обмен вообще, а развитой (по существу денежный) обмен как основную социальную форму общественного «обмена веществ», т. е. общественного производства. Марксова теория стоимости представляет собой не «диалектическую дедукцию из сущности обмена», как утверждает Ойген Бем-Баверк, а анализ определенной социальной формы производства, а именно товарного хозяйства.

Теперь нам легче будет объяснить один пункт, вызвавший особые нападки со стороны Бем-Баверка. На каком основании Маркс с самого начала утверждает, что «меновая стоимость товаров отвлекается от их полезности» (Капитал I, с. 4), каковая оставляется им в стороне при анализе стоимости? Если бы речь шла о случайном обмене двух продуктов в натуре, то прав был бы Бем-Баверк, что такой обмен может регулироваться индивидуальными потребностями участвующих в нем лиц и их субъективной оценкой сравнительной полезности продуктов. Поскольку же речь идет об объективной меновой стоимости данного продукта, приравнивающей его всем другим продуктам без различия их рода и личности их производителей, перед нами объективный, закономерный общественный процесс приравнивания **всех** потребительных стоимостей, т. е. «отвлечения от полезности». Это не значит, что полезность товаров не играет роли, например, в мотивах покупателей. (Но не этими мотивами можно объяснять меновую стоимость продукта, т. е. способность его обмениваться на любую потребительную стоимость, принадлежащую любому товаровладельцу, способность его двигаться в любом направлении рынка.) Маркса интересуют не индивидуальные мотивы покупателей, а общественный процесс обмена, объективно заключающийся в приравнивании друг другу в определенных, закономерно устанавливающихся пропорциях всех потребительных стоимостей без исключения.

Мы установили, таким образом, ошибочность взгляда, согласно которому Маркс берет за исходный пункт обмен как таковой, самый факт сравнения двух продуктов. Не менее ошибочно предположение, будто Маркс из факта сравнения двух продуктов делает вывод о необходимости мерила сравнения, каковое он и находит в труде. Маркс, по примеру Давида Рикардо, решительно отвергал самую постановку вопроса о мериле стоимости, который у Адама Смита неразрывно сплелся с вопросом о причине закономерных изменений стоимости продуктов, затемняя вопрос о мериле стоимости и мешая правильному его разрешению. Рикардо резко критиковал учение Смита о мериле стоимости и перенес всю теорию стоимости в плоскость научно-причинного изучения явлений обмена и изменений стоимости продуктов. Мнение некоторых писателей, будто Маркс ослабил эту строго каузальную (причинную) постановку теории стоимости, приданную ей Рикардо, внесением в нее элементов оценки, ни на чем не основано. Маркс резко критикует постановку вопроса о «неизменяющемся мериле стоимости» (Theorien, III, S. 159, 163 и др.) и даже упрекает Рикардо за некоторые выражения, могущие быть истолкованными в таком смысле (там же, S. 163). Правда мы встречаем у Маркса учение о труде как «имманентном мериле стоимости». Но Маркс многократно подчеркивает, что «имманентное мерило» понимается им в совершенно другом смысле, чем обычное или «внешнее мерило», каковым является не труд, а деньги (там же, S. 21, 185, 186 и др.). Труд есть «имманентное мерило» стоимости только потому, что он является ее «*causa efficiens*» (действующей причиной), ее субстанцией (там же, S. 163, 164). Количественные изменения производительности труда являются причиной изменений стоимости товаров. Это положение в переводе на язык гегелевской философии гласит, что труд является «имманентной мерой» стоимости.

Писатели, трактующие Марксову теорию стоимости в смысле поисков мерила стоимости, не отдают себе ясного отчета в том, идет ли речь о мериле, при помощи которого участвующие в обмене лица приравнивают обмениваемые продукты, или о мериле, которое дает возможность теоретику-исследователю утверждать равенство обмениваемых продуктов. Такое расчленение вопроса делает его более ясным и не оставляет сомнения в том, что Марксу чужда постановка вопроса в обоих этих смыслах. Маркс и не думал утверждать, что два продукта обмениваются друг на друга потому, что обменивающиеся считают их продуктами равных количеств труда, так как: 1) Маркса интересует объективный результат процесса обмена, а не субъективные мотивы обменивающихся, и 2) поскольку речь идет об этих субъективных мотивах, невозможно предполагать, что покупателям известны сравнительные трудовые затраты, необходимые для производства разных продуктов, и что они сознательно принимают эти затраты за основу для определения меновой стоимости последних.

Постановка вопроса во втором из указанных нами смыслов должна была бы гласить так: так как два товара приравниваются друг другу, то мы, теоретики-исследователи, должны открыть момент их равенства, указать, какое свойство обще им обоим, делая их равными друг другу. На теоретике лежит обязанность открыть момент равенства двух явлений только в том случае, если он сам сравнивает эти явления и утверждает тождество их природы.

Но из того факта, что на рынке пшеница приравнивается железу, нельзя умозаключать к обязанности теоретика показать, в чем состоит их равенство. Теоретик имеет перед собой определенный факт и обязан его объяснить. Это значит, что, наблюдая факты приравнивания пшеницы железу, он ставит себе вопрос: отличается ли данное явление характером постоянства и закономерности, и если да, то какова его причина, т. е. какими явлениями обусловливается существование и изменения данного явления. Не показать, в чем пшеница равна железу, а открыть закономерность объективного социального факта рыночного приравнивания пшеницы железу — такова задача экономиста-теоретика. Так именно и ставит вопрос Маркс, и недостаточно ясное понимание этой постановки вопроса помешало критикам и подчас даже комментаторам Маркса составить себе правильное представление о его теории стоимости.

Для правильного понимания Марксова обоснования теории стоимости необходимо твердо помнить, что, как изложено выше, исходным пунктом анализа Маркса является факт развитого обмена с всесторонним приравниванием всех товаров друг другу. Раз каждый товар, получая на рынке определенную расценку, тем самым приравнивается всем другим товарам и может быть в определенной пропорции обмениваем на любой из них совершенно независимо от того, нуждается ли владелец последнего в данном товаре, то эта обмениваемость или меновая стоимость товара является его общественным свойством. В процессе развитого рыночного обмена каждый товар как меновая стоимость вполне равен любому другому товару и может в определенной пропорции замещать его. Это значит, что в реальном процессе рыночного обмена все товары действительно равны друг другу, равны не по своим вещным свойствам, а по своей социальной функции. Так как социальная функция товаров на рынке заключается в уравнивании других товаров и так как в этом процессе взаимного уравнивания товаров каждый товар может в определенной пропорции замещать любой другой товар, то, следовательно, всестороннее приравнивание товаров на рынке означает **единство их социальной функции** или социальной природы. Обычно аргументацию Маркса излагают таким образом: так как товары можно приравнивать друг другу, то мы должны найти в них нечто общее, единое. Правильнее выразить мысль Маркса приблизительно следующим образом: то, что товары на рынке реально приравниваются друг другу, и есть единство их социальной функции. Теперь встает задача объяснить эту социальную природу факта всестороннего приравнивания товаров, а именно показать необходимую связь его с данной социальной структурой хозяйства, роль его или социальную функцию в хозяйстве и закономерность в приравнивании товаров, т. е. причины, вызывающие возрастание или уменьшение их меновой стоимости. Иначе говоря, встает задача изучения качественной и количественной стороны меновой стоимости, а так как последняя представляет из себя социальную функцию, приобретаемую продуктами труда в определенной социальной среде, то задача наша сводится к анализу этой социальной среды, товарного хозяйства. Анализ этот вскрывает: 1) необходимость всестороннего приравнивания товаров как единственного вида общественной связи между формально разобщенными и материально связанными товаропроизводителями, 2) роль приравнивания товаров как регулятора приливов и отливов труда в разные отрасли производства, т. е. социальную функцию меновой стоимости как регулятора распределения общественного труда и, наконец, 3) законы изменений меновой стоимости товаров в зависимости от изменений производительности общественного труда. Мы видим, каким образом определенная социальная структура хозяйства или определенный тип производственно-трудовых отношений между людьми создает определенную социальную функцию или социальную форму продуктов труда, а именно их меновую стоимость. В этом и заключается теория стоимости Маркса.

Итак, мы считаем неправильным мнение, будто Маркс, беря исходным пунктом анализа факт приравнивания двух товаров, т. е. факт обмена как таковой, вне его социальной формы, ищет мерило для сравнения этих товаров. Маркс с самого начала имеет перед собой развитое товарное хозяйство с всесторонним приравниванием товаров, характеризующимся способностью каждого товара обмениваться в определенной пропорции на любой другой товар. Только этот исходный пункт дал Марксу возможность заранее устранить индивидуально-психологическую постановку вопроса (т. е. потребительную стоимость) и **с самого начала определить предмет своего изучения, меновую стоимость как объект социального мира**, как социальную функцию или форму продукта труда. Этим был предопределен и весь метод исследования. Для объяснения социальной формы продуктов труда необходимо было перейти к анализу социальной формы организации труда, выражающейся или «овеществляющейся» в первой.

Очень ясно выступает этот ход мыслей Маркса в его брошюре «Заработная плата, цена и прибыль». Охарактеризовав факт всестороннего приравнивания товаров, Маркс следующим образом переходит от товара к труду: «Так как меновые стоимости товаров суть только **общественные функции** этих предметов и не имеют ничего общего с их естественными свойствами, то мы должны прежде всего спросить: “Какова общая **общественная субстанция** всех товаров?” Это — труд... Я говорю не только труд, но общественный труд... Чтобы произвести товар, человек не только должен произвести продукт, удовлетворяющий какой-нибудь общественной потребности, но самый труд его должен составлять часть совокупной затраченной обществом суммы труда. Он должен входить в сферу разделения труда внутри общества. Он — ничто без других подразделений труда и с своей стороны должен их дополнять». Маркс усиленно подчеркивает, что речь идет о труде не в его естественной, а социальной форме, о процессе общественного распределения труда, выражением которого является меновая стоимость. Последняя сразу определяется Марксом как «общественная функция» или форма продуктов труда, которой должна соответствовать определенная «общественная субстанция», т. е. известное распределение общественного труда.

По существу, таков же ход мыслей Маркса в «Капитале». Констатируя качественное равенство всех товаров как стоимостей, Маркс усматривает в нем «овеществленное», «кристаллизованное» (т. е. фиксированное в виде общественных свойств продуктов труда) выражение «общей им общественной субстанции», «выражение того же общественного единства, человеческого труда» (Kapital, I, S. 6, 14). Приравнивание товаров на рынке выражает приравнивание общественного труда в процессе его распределения между разными отраслями производства. В этом процессе уравниваются все различия в отдельных трудовых затратах, которые первоначально выступают в качестве частных, конкретных, разнокачественных и индивидуальных трудовых затрат и лишь в результате процесса обмена превращаются в общественный, абстрактный, простой и общественно-необходимый труд. Качественному равенству товаров на рынке соответствует качественное равенство труда в общественном процессе его распределения. Поэтому, взяв за исходный пункт вещное равенство товаров в обмене, Маркс уже на третьей странице «Капитала» переходит непосредственно к его корреляту в процессе общественного производства — к равенству труда, анализируя этот труд как однородный и равнокачественный, соответствующий однородности и равнокачественности всех товаров как меновых стоимостей. Абстрактный характер труда выступает здесь как коррелят всестороннего приравнивания товаров, находящего свое полное выражение через посредство денег. От развитой формы обмена Маркс непосредственно переходит (в первых двух параграфах II-ой главы «Капитала») к развитому абстрактному труду, оставляя пока в стороне весь тот длинный и сложный общественный процесс, который превращает частный и неравный труд в общественный и равный. К рассмотрению этого общественно-го процесса Маркс переходит только в третьем параграфе («Форма стоимости или меновая стоимость»), чтобы в четвертом («Товарный фетишизм и его тайна») подойти, наконец, к наиболее глубокой основе этого процесса, к социальной структуре товарного хозяйства. Маркс начинает с готового результата общественного процесса, чтобы потом показать нам развитие последнего и вскрыть его основу. Приблизительно таково же построение первой главы «Критики». После подробного анализа меновой стоимости и абстрактного труда Маркс говорит: «До сих пор товар рассматривался с двойной точки зрения, как потребительная стоимость и как меновая стоимость, каждый раз односторонне. Однако товар как таковой есть непосредственное **единство** потребительной стоимости и меновой стоимости; вместе с тем он является товаром только в отношении к другим товарам. **Действительное** отношение товаров друг к другу есть **процесс их обмена**» (Kritik, S. 19, рус. перев., с. 45—46). После «одностороннего» анализа меновой стоимости и абстрактного труда, как готовых законченных результатов общественного процесса, Маркс переходит к изложению самого этого процесса, превращающего потребительную стоимость в меновую и частный труд — в общественный.

Маркс сам отметил в послесловии [в рукописи ошибочно: «предисловию»] ко второму изданию «Капитала» эту особенность своего изложения: «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось, и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция» (Капитал I, с. XLVII). Действительно, этот способ изложения Маркса, начинающий с анализа готовых результатов и кончающий общественным процессом развития, скрыл от глаз его критиков его способ исследования и послужил источником многократных обвинений Марксовой теории стоимости в априорности построения. Он же побуждал многих сторонников Маркса искать обоснования его теории стоимости на первых страницах «Капитала», трактующих о содержании стоимости или абстрактном труде. Такое представление, как мы видели, ошибочно. Первые страницы «Капитала» дают только анализ готового законченного результата, являющегося объектом исследования: стоимости и ее коррелята — абстрактного труда. Исследование же действительного процесса развития явлений стоимости мы находим только в параграфах, посвященных «форме стоимости» и «товарному фетишизму». Этот процесс развития стоимости есть одновременно процесс развития денег.

Теперь для нас выясняется тесная связь между теорией стоимости и теорией денег в экономической системе Маркса. Связь эта состоит не только, как обычно представляют себе, в том, что теория денег строится на основе теории стоимости, но и в том, что последняя находит свое завершение только в теории денег. Изложение теории стоимости в первой главе «Капитала», как и в «Критике политической экономии», состоит из двух частей: анализа понятий меновой стоимости и абстрактного труда (субстанции стоимости) и объяснения процесса развития меновой стоимости (формы стоимости). Первая часть, как мы видели, предполагает всестороннее приравнивание друг другу всех товаров и тем самым всех видов труда, — процесс, соответствующий денежному обмену. Вторая часть, рисующая развитие меновой стоимости как способности товара к всестороннему обмену, одновременно показывает развитие денежной формы. Правда, «денежная форма» является только последней, наиболее развитой из рассматриваемых Марксом «форм стоимости» (простой, развернутой, всеобщей и денежной). Может поэтому казаться, что существуют формы стоимости, предшествующие денежной, что, следовательно, меновая стоимость может существовать на стадии общественного развития, предшествующей появлению денег. Такое предположение, опирающееся на терминологию Маркса, употребившего в применении ко всем упомянутым фазам обмена название «форм стоимости», мы считаем ошибочным. Формы стоимости, предшествующие всеобщей, представляют собой не только зародышевую форму денег, но также лишь зародышевую форму стоимости. Развитая меновая стоимость появляется только с «всеобщей формой», которая по существу совпадает с появлением денег.

Тесная связь между теориями стоимости и денег ярко проявляется в самом построении труда Маркса. В «Критике политической экономии» первая глава, озаглавленная «Товар», по существу содержит также основы теории денег. Как только Маркс после анализа понятий стоимости и абстрактного труда приступает к изложению действительно процесса обмена, превращающего потребительную стоимость в меновую и конкретный труд — в абстрактный, он одновременно показывает нам и развитие денег, как необходимого коррелята меновой стоимости и абстрактного труда (начиная со стр. 19 подлинника). Вторая же глава, о «деньгах», рисует отдельные функции денег, но уже не дает общей теории денег.

Приблизительно таково же построение «Капитала». В первой же главе «Товар» часть, посвященная формам стоимости, в сущности содержит теорию денег, которую Маркс развивает более подробно и систематически в главе второй, озаглавленной «Процесс обмена». И здесь общая теория денег дана в тесной связи с теорией стоимости, глава же третья, озаглавленная «Деньги», занимается только отдельными функциями денег.

Теория стоимости и теория денег в совокупности характеризуют один и тот же основной тип производственных отношений между товаропроизводителями, своей трудовой деятельностью в процессе производства дополняющими друг друга, но формально независимыми и вступающими друг с другом в связь только в процессе обмена. Поскольку наше внимание направлено на общественное единство всего процесса производства и распределение общественного труда, осуществляющееся через посредство обмена, мы имеем теорию стоимости. Поскольку наше внимание направлено на процесс обмена с его частными актами купли-продажи как необходимую форму осуществления единства общественного процесса производства, мы имеем теорию денег. Только обе теории в совокупности дают нам общую картину товарного хозяйства со всей двойственностью его структуры: единством общественного процесса производства и его раздробленностью между отдельными частными хозяйствами.

II. Необходимость денег

Обычно думают, что в теории стоимости Маркс описывает обмен, происходящий без посредства денег, а в теории денег показывает возникновение, развитие и роль денег. Мы уже видели, что такое мнение должно быть признано ошибочным. С самого начала своего исследования Маркс предполагает всесторонний обмен всех товаров, возможный только через посредство денег. Но в анализе этого сложного явления денежного хозяйства Маркс, как всегда, придерживается метода последовательного выделения и объяснения отдельных сторон. Неправильно было бы каждую из них принимать за отдельный объект изучения; каждая из них характеризует абстрактную сторону всего явления, изучаемую на данной ступени исследования, и только все в совокупности дают полное представление об изучаемом явлении.

В конкретной действительности денежного хозяйства мы наблюдаем факты покупок и продаж, обмена товара на деньги и обратно. Наблюдая эти конкретные факты, Маркс как бы говорит: отвлечемся прежде всего от невозможности для каждого товара быть обмененным на другие товары иначе, как через посредство денег. Взглянем на весь процесс обмена как на процесс взаимного всестороннего приравнивания на рынке всех продуктов труда — процесс, через посредство которого совершается приравнивание и распределение всех видов труда в общественном производстве. Иначе говоря, посмотрим, каким образом при товарном хозяйстве весь процесс распределения и приравнивания общественного труда происходит в форме приравнивания продуктов труда как стоимостей. Изучение **механизма социальной зависимости между приравниванием труда и приравниванием товаров и составляет тему Марксовой теории стоимости**, или первой ступени нашего исследования. Показавши, каким образом приравнивание труда принимает форму всестороннего приравнивания товаров, Маркс переходит к анализу последнего процесса, обнаруживающему, что **всестороннее приравнивание товаров возможно только в форме приравнивания их всех одному и тому же выделенному товару**, приобретающему характер денег. Это — теория **происхождения и социальной функции денег**, или вторая ступень исследования. Только после этого можно перейти к рассмотрению **отдельных свойств денег как уже готовых результатов процесса обращения**, на первый взгляд, как бы независимых от последнего и присущих самим деньгам. Это теория **отдельных функций денег**, или третья ступень исследования. Иначе говоря, эти три ступени исследования можно характеризовать, как учение 1) о стоимости или товаре, 2) о переходе товара в деньги и 3) о деньгах. Вторая ступень находится в теснейшей связи с первой, и этим объясняется факт, отмеченный нами выше, а именно, что теория денег излагается Марксом в двух местах: во-первых, в тесной связи с теорией стоимости (в «Критике» в главе первой, в «Капитале» в параграфе о форме стоимости и в главе второй), и, во-вторых, самостоятельно («Критика», глава вторая, и «Капитал», глава третья). Особые трудности для изучения представляет вторая, переходная ступень, ибо это, «посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа» (Капитал I, с. 61). Третья ступень исследования имеет дело с функциями денег, всем очевидными и бросающимися в глаза. Более абстрактной и трудной является первая ступень или теория стоимости, но все же, при некоторой привычке к отвлеченному мышлению, легко представить себе весь процесс обмена, как приравнивание вещей, тесно связанное с приравниванием труда. Но наибольшие трудности для понимания представляет вторая ступень, рисующая общественный процесс, результатом которого является сращение денежной функции с определенным натуральным продуктом, имеющее характер как бы естественный, а не общественный. [Последнее предложение дважды

отчеркнуто карандашом на полях.]

Маркс неоднократно сам отмечал те различные ступени абстракции, через которые проходит его исследование. «Тот факт, что товаровладельцы взаимно **относятся к своему труду** как к всеобщему общественному труду, проявляется в форме **отношения их к своим товарам** как меновым стоимостям; взаимное **отношение товаров** друг к другу как меновых стоимостей выступает в процессе обмена как их всестороннее **отношение к одному особенному товару** как адекватному выражению их меновой стоимости; что, обратно, в свою очередь проявляется как специфическое **отношение этого особенного товара ко всем другим товарам** и, следовательно, как определенный общественный характер вещи, как бы присущий ей от природы» (Kritik, S. 28). (Русский перевод на стр. 51 не совсем точный. Выделение наше. — *И. Р.*) Здесь явно намечен весь путь восхождения исследования от общественного труда через стоимость к деньгам, в синтетическом порядке. Иногда Маркс отмечает тот же путь в обратном, аналитическом порядке: «Как можно **x** хлопка выразить в **y** денег? Этот вопрос сводится к тому, как можно вообще выразить один товар в другом, или товары как эквиваленты? На этот вопрос дает ответ только развитие стоимости, независимо от выражения одного товара в другом» (Theorien, Bd. III, S. 193—4). От конкретного явления денег необходимо спуститься к приравниванию товаров или форме стоимости, а от последней далее к учению о содержании стоимости или общественном труде. Первая ступень исследования ведет от общественного труда (или содержания стоимости) к форме стоимости, вторая — от формы стоимости к деньгам, третья рассматривает деньги как готовый результат. Как видим, отдельные ступени исследования постепенно переходят одна в другую, так как конечное звено одного является начальным звеном другого. Связующим звеном между теорией стоимости и теорией денег служит учение о форме стоимости.

Теперь мы можем точнее определить, какую задачу Маркс преследует на второй ступени исследования, в общей теории денег. Он не только дает схему постепенного исторического развития денег параллельно с развитием самого обмена. Основная задача его не исторического, а теоретического характера. Недостаточно проследить происхождение и развитие денег. Следует еще вскрыть закономерность, делающую деньги необходимым следствием и спутником развитого товарного хозяйства. Необходимо показать внутреннюю связь между ними. **Анализ товарного хозяйства должен показать нам, что всесторонний обмен товаров невозможен без посредства денег.** Такова тема, разрабатываемая Марксом в общей теории денег.

Постановка вопроса **о необходимости денег**, которая может объяснить нам мощное, повсеместное, неудержимое распространение денег по мере развития товарного обмена, составляет характерную особенность Марксовой теории, отличающую ее от многих других

Последователи классической школы большей частью объясняли возникновение денег удобствами их для обмена, большей легкостью денежного обмена по сравнению с натуральным. Но можно ли одними только удобствами объяснять стихийное, повсеместное распространение денег? Величайшие трудности представляет объяснение денег для теорий, построенных не на анализе объективной структуры товарного хозяйства, а на описании субъективных мотивов хозяйствующего человека, взятого вне конкретной социальной и исторической среды. Австрийская школа обнаружила в теории денег полную беспомощность. По замечанию одного автора, видные представители субъективной теории ценности Е. Филиппович и К. Менгер выводят стоимость денег из объективных, природных свойств золота. Субъективный психологизм дополняется объективным натурализмом. Другие авторы ясно сознают несовместимость субъективной теории ценности с фактом объективной расценки товаров в деньгах. «Субъективная ценность благ, как субъективно-психический факт, не может быть согласована с объективно-количественным выражением» их в деньгах; возникновение такого денежного выражения представляет собой «проблему, недоступную человеческому пониманию» (!). Это признание равносильно полному банкротству психологического метода в объяснении денег, одного из основных явлений современного хозяйства. Явление это может быть понято только на основе социологического метода, исходящего из анализа социальной структуры товарного хозяйства.

III. Деньги как результат противоречия между потребительной и меновой стоимостью товара

Как известно, Маркс вывел необходимость денег из противоречия между потребительной и меновой стоимостью товара. Эта часть Марксова учения часто вызывала обвинения в «метафизике» и диалектической игре абстрактными понятиями. В ней усматривали отвлеченное, схоластическое умозрение, ничего общего не имеющее с реальной жизнью.

Действительно, на первый взгляд эта часть теории, в которой Маркс в наибольшей мере «кокетничает гегельянством», может вызвать подобное представление. Изложение все время ведется на основе его анализа отвлеченных понятий, противопоставлении их, констатировании противоречий и их диалектическом примирении. С наибольшей яркостью проявляется этот характер изложения в «Критике политической экономии». Однако наша оценка общего учения о деньгах, изложенного в «Критике» и «Капитале», изменится, если мы вспомним, что под каждой вещной категорией в Марксовой экономической системе скрывается определенный тип производственных отношений между людьми. Под отвлеченной метафизической оболочкой мы вскрыем глубокое социологическое ядро.

Марксово общее учение о деньгах окажется продолжением того анализа производственных отношений товарного хозяйства, который начат Марксом в его теории стоимости.

1. Разделение труда

Основное противоречие товарного хозяйства заключается в том, что, с одной стороны, оно состоит из множества отдельных, друг от друга формально независимых частных хозяйств, а с другой стороны, последние материально связаны между собой и взаимно друг друга дополняют. Благодаря разделению труда и обмену «частные работы производителей действительно получают двойственный общественный характер. С одной стороны, как определенные полезные работы они должны удовлетворять определенной общественной потребности и таким образом должны оправдать свое назначение в качестве подразделений совокупного труда, естественно выросшего в систему общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особенный вид полезного частного труда может быть обменян на всякий иной особенный вид полезной частной работы и, следовательно, равнозначен последнему» (Капитал I, с. 41). Сама система общественного разделения труда в товарном хозяйстве может быть рассматриваема с двух сторон: технической и социальной. С одной стороны, она представляет собой совокупность дополняющих друг друга разнородных конкретных видов труда, выражающих «качественное различие между отдельными полезными работами» (Капитал I, с. 9); с другой стороны, она представляет собой совокупность разных видов труда, уравненных и находящихся в равновесии друг с другом, или — что является результатом этого процесса уравнивания труда — совокупность однородного общественного труда, распределенного между разными отраслями производства. Поэтому, как указано выше, частный труд каждого отдельного товаропроизводителя должен приобрести общественный характер в двойном смысле: материально-техническом и формально-социальном. С одной стороны, он должен удовлетворять определенной общественной потребности, с другой — быть равнозначным любому другому виду труда.

Труд отдельного лица мог бы приобрести непосредственно общественный характер лишь при том условии, если бы он был организован в общественном масштабе общественным органом, который заранее принимал бы во внимание определенное техническое содержание труда отдельных лиц, и включением его в общий план хозяйства, т. е. установлением производственных отношений между данным лицом и другими членами общества, санкционировал бы его социальный характер. Этим труду отдельных членов общества была бы дана гарантия его материальной полезности и одновременно санкция его социальной равнозначности с любым другим видом труда. Но в таком случае мы имели бы перед собой хозяйство социалистическое, а не товарное, непосредственно общественный, а не частный труд. Товарное же хозяйство характеризуется анархией производства, отсутствием непосредственно общественной организации труда. Частный труд отдельного товаропроизводителя в процессе производства еще не обладает общественным характером в указанном двойном смысле: он не имеет ни гарантии материальной полезности (ибо данный продукт может оказаться вообще ненужным или произведенным в чрезмерном количестве), ни санкции социальной равнозначности (ибо в результате перепроизводства или применения данным производителем отсталых способов производства продукт его труда может быть на рынке приравнен продукту меньшего количества другого труда). Даже по окончании процесса производства ни один общественный орган не проверяет и не санкционирует *post factum* затраченного отдельными товаропроизводителями труда. Такая проверка и санкция, так сказать «последующий контроль», осуществляются не сознательно действующим общественным органом, а бессознательно действующим механизмом рынка, т. е. столкновением действий отдельных товаропроизводителей, из которых каждый сознательно преследует только цель наиболее выгодного обмена продуктов своего труда и взаимодействие которых имеет своим бессознательным, объективным общественным результатом как бы проверку и санкцию трудовых затрат, произведенных отдельными товаропроизводителями. Мы говорим «как бы», ибо в применении к гетерогенному, бессознательному результату взаимодействия множества людей о «проверке» и «санкции» можно говорить только в условном, переносном смысле. Точнее было бы сказать, что здесь происходят следующие процессы. Или данный продукт труда находит потребителя и одновременно дает своему производителю возможность получить за него в обмен продукт такого же количества труда других производителей, — и в таком случае объективным результатом обмена является тенденция к сохранению и продолжению данного труда в дальнейшем процессе воспроизводства. Иначе говоря, данная трудовая затрата оказывается включенной в систему общественного разделения труда и с материально-технической и с социальной стороны, т. е. как полезная затрата конкретного труда и как равнозначная (уравненная) с другими доля совокупного общественного труда. Или же в случае перепроизводства или применения отсталых орудий труда обмен складывается невыгодно для данного производителя, — и объективным результатом его является тенденция к вытеснению данных трудовых затрат и замене их другими, могущими быть полностью включенными в механизм общественного производства. Объективным результатом рыночного обмена является, таким образом, социальный отбор разных видов и способов труда, включение их в общественный механизм производства и вытеснение из него, нечто вроде проверки и санкции труда отдельных товаропроизводителей, который только таким образом из труда частного становится общественным.

2. Двойственность обмена и вещей

Однако такой отбор разных видов труда производится в товарном обществе не непосредственно, а косвенно, через отбор продуктов труда, которые рынком либо отвергаются, либо принимаются. Включение данной трудовой затраты в общественный механизм производства совершается в результате и посредством включения ее продукта в общую товарную массу, находящую сбыт на рынке. Данный продукт труда получает на рынке «расценку», меновую стоимость, приравнивающую его в той или иной пропорции любому другому товару на рынке. Этим уравниванием продуктов разных видов труда создается и уравнивание последних, тенденция к установлению подвижного равновесия между отдельными отраслями производства. Социальный процесс уравнивания разных видов труда, распределенного между отдельными отраслями производства, принимает форму особого социального свойства продуктов труда, их «меновую стоимость». Общественные свойства труда принимают форму свойств вещей, «овеществляются» или «фетишизируются». Обмен продуктов отражает «общественно полезный характер частных работ в той форме, что продукт труда должен быть полезен, но не для самого производителя, а для других людей; общественный характер равенства разнородных работ отражает в форме принадлежащего этим материально различным вещам — продуктам труда [Запись на полях: «**От труда к вещи**»] — общего свойства быть стоимостью» (Капитал I, с. 41). Продукт труда становится товаром или стоимостью. Помимо своего непосредственного материально-технического существования, как конкретный предмет потребления или средство производства, он приобретает особую социальную «функцию» или «форму», становится «носителем» производственных отношений между людьми.

Благодаря этому и самый процесс обмена продуктов приобретает двойной характер: с одной стороны, он представляет собой движение материальных вещей от производителей к потребителям (через ряд посредников), с другой стороны, — движение тех же вещей как носителей производственных отношений людей, т. е. процесс установления производственных отношений между товаропроизводителями, участвующими в обмене. «Обмен товаров есть такой процесс, в котором общественный обмен веществ, т. е. обмен особых продуктов частных лиц, одновременно означает установление определенных общественных производственных отношений, в которые лица вступают в этом обмене веществ». Первую сторону обмена будем называть материально-технической, вторую — формально-социальной: социальной потому, что независимые друг от друга товаропроизводители через обмен продуктов своего труда вступают между собой в общественную связь, формальной потому, что определенный тип или характер этой связи между товаропроизводителями сообщает особую социальную форму продуктам их труда. [Начало отчеркивания на полях карандашом] Как известно, основная особенность товарного хозяйства заключается в том, что отдельные частные товаропроизводители вступают между собой в производственные отношения исключительно как владельцы определенных материальных вещей, в результате чего, обратно, обладание вещью дает ее владельцу возможность вступить в производственные отношения с другими людьми. Общественные отношения «овеществляются», а вещи приобретают общественные черты/ Благодаря этому и создается тесная связь между материальной и социальной сторонами процесса производства. Продукты труда передвигаются от одного товаровладельца к другому лишь на основании заключенного между ними особого договора или производственного отношения обмена, а последнее, в свою очередь, устанавливается между данными лицами лишь по поводу и в целях перехода материальных вещей от одного к другому. Это сращение материального движения продуктов труда с процессом установления производственных отношений людей находит свое выражение в двойственной природе отдельного товара, представляющего собой сращение производственного отношения (менового [подчеркнуто чернилами и на полях стоит знак вопроса] стоимости) с материальной вещью (потребительной стоимостью). Как потребительная стоимость, каждый товар есть один из элементов общественного обмена веществ, движения материальных вещей. Как меновая стоимость, он дает своему производителю возможность вступить в производственное отношение с другими производителями. Из этой двойственной природы товара Маркс и вывел необходимость денег. Но мы уже знаем, что эта двойственная природа товара представляет собой не более, как выражение двойственной природы самого обмена, в котором производственные отношения людей устанавливаются через переход вещей. Самый тип производственных отношений людей, присущий товарному хозяйству, вызывает необходимость денег. [Конец отчеркивания на полях карандашом] Производственные отношения между товаропроизводителями, с одной стороны, связывающие всех членов общества, т. е. отличающиеся всесторонним характером, а с другой стороны, обусловленные и ограниченные наличием у них определенных конкретных полезных вещей, могут устанавливаться только через посредство денег. Это положение должно быть теперь нами доказано.

3. Движение потребительной стоимости

Двойственный характер обмена, как процесса продвижения материальных вещей от одних членов общества к другим и одновременно процесса установления между ними производственных отношений, сообщает двойственный характер и положению товаропроизводителя в обмене, т. е. отношению его к другим товаропроизводителям-участникам обмена. С одной стороны, он является собственником **вещей**, которые должны продать определенный путь в общественном обмене веществ. С другой стороны, он является **собственником** вещей и именно как таковой полноправным участником данной системы общественных производственных отношений. Рассмотрим положение его с этих двух сторон.

Поскольку продукт труда является материальной вещью с полезными свойствами, потребительной стоимостью, она не нужна самому товаропроизводителю. «Его товар не имеет для него самого непосредственной потребительной стоимости. Иначе он не вынес бы его на рынок. Он имеет потребительную стоимость для других» (Капитал I, с. 53). Товар должен поэтому продвигаться из хозяйства производителя в хозяйства потребителей, т. е. в те хозяйства, где имеется потребность в данном товаре как конкретной полезной вещи, как предмете потребления или средства производства. Товар продвигается в хозяйства тех товаропроизводителей, которые предъявляют на него платежеспособный спрос, иначе говоря, желают получить данный товар и вместе с тем в состоянии дать соответствующий эквивалент (равно стоимости), т. е. в состоянии компенсировать его стоимость равной стоимостью произведенных ими товаров. Хотя спрос предъявляется отдельными товаропроизводителями, руководящимися на первый взгляд своими субъективными потребностями и желаниями, он не является, однако, произвольным. Общие размеры и направление его обнаруживают среди постоянных отклонений и нарушений определенную закономерность, вытекающую из закономерности общественного процесса воспроизводства. Каждое хозяйство предъявляет спрос прежде всего на предметы потребления и средства производства, необходимые ему для возможности процесса воспроизводства, т. е. для дальнейшего продолжения своей производственной деятельности. Характер средств производства, на которые предъявляют спрос отдельные хозяйства, определяется непосредственно характером процесса производства. Он же определяет, — но более косвенным путем, через процесс распределения, — и количество и характер предметов потребления, на которые предъявляется спрос отдельными товаропроизводителями. [Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом.]

Таким образом, закономерность продвижения продуктов труда из одних хозяйств в другие определяется в конечном счете закономерностью общественного процесса производства в широком смысле, включая сюда и процесс распределения. Так как, однако, в товарном обществе производство организуется отдельными частными товаропроизводителями, из которых каждый самостоятельно, хотя и считаясь с конъюнктурой рынка, решает, может ли он в данный момент расширить свое производство и личное потребление или должен сжать их, то закономерность общественного обмена веществ проявляется не иначе, как через потребности и спрос отдельных товаропроизводителей. «Чтобы сделаться потребительной стоимостью, товар должен противостоять определенной потребности, для которой он является средством удовлетворения. Таким образом, потребительные стоимости товаров **становятся** потребительными стоимостями, всесторонне меняя свои места, переходя из тех рук, в которых они служат средствами обмена, в те руки, в которых они являются предметами потребления» (Kritik, S. 20, рус. перев., с. 46). Направление этого продвижения товара как потребительной стоимости определяется не производителем, а потребителем. «Товар как потребительная стоимость может быть отчужден только тому, для кого он является потребительной стоимостью, т. е. предметом особенной потребности» (там же, S. 22 или с. 47).

Итак, поскольку данный товаропроизводитель является собственником материальной вещи, последняя должна проделать в общественном обмене веществ вполне определенный путь, не зависящий от воли ее производителя. В общественном масштабе этот путь определяется в общем и целом закономерностью общественного обмена веществ, для данного же товаропроизводителя он кажется зависящим от воли потребителя, от его спроса. Продвижение товара из хозяйства производителя в хозяйства потребителей является для первого процессом, не зависящим от его воли, predetermined извне. В этом процессе он вынужден играть пассивную роль. А так как продвижение товара из одного хозяйства в другое невозможно иначе, как путем установления между ними производственного отношения обмена, то в данном производственном отношении наш товаропроизводитель выступает пассивной стороной, почти безвольным и безмолвным хранителем материальной вещи. [Отчеркивание и запись карандашом на полях: «а цена?»]

4. Меновая стоимость

Этим, однако, роль товаропроизводителя на рынке не ограничивается. Он, как мы знаем, не только хранитель материальной вещи, но именно в силу наличия у него последней является полноправным субъектом общественных производственных отношений. За свой товар он должен получить другие товары равной стоимости. Он не только производитель, ожидающий спроса со стороны потребителей, но одновременно и потребитель, предъявляющий спрос на необходимые ему товары. Круг и количество последних определяются потребностями его хозяйства, а также характером его личного потребления, в свою очередь, зависящего от величины его доходов, т. е. в конечном счете опять-таки от положения, занимаемого им в системе общественного производства и распределения. Но наш товаропроизводитель, как автономный руководитель своего частного хозяйства, сам в точности решает, какие именно продукты нужны ему в обмен на его собственные. [Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом] Бросая на рынок свой товар, он на сумму его стоимости может потребовать любых других товаров, находящихся на рынке, т. е. производимых в данном обществе. Именно этот всесторонний характер обмена и характеризует товарное хозяйство с его всесторонним приравнением всех видов труда и постоянными переливами труда из одной отрасли производства в другую. Товаропроизводитель может обменивать свой товар на любой другой товар; это значит, что он может вступить в производственное отношение с любым другим товаропроизводителем. Только при этом условии и можно сказать, что продукт его труда стал товаром, имеет меновую стоимость. До тех пор, пока продукт данного вида труда обменивается только между определенными лицами или

на определенные другие продукты, товар и меновая стоимость находятся еще в зародышевых формах.

Итак, «меновая стоимость», как объективное общественное свойство продукта труда или его социальная функция, заключается в возможности обмена данного продукта в определенной пропорции на любой другой продукт, в приравнивании его всем другим продуктам труда. «Как стоимость продукт должен быть воплощением общественного труда и как таковое может быть непосредственно превращаем из одной потребительной стоимости в любую другую» (Theorien, III, S. 160). Характерной чертой меновой стоимости Маркс считает именно эту ее способность «непосредственной превращаемости»: данный товар приравнивается всем другим и может быть обменян на любой из них, [начало отчеркивания на полях карандашом] он обладает, если можно так выразиться, способностью продвижения в любом направлении рынка. «Товар как меновая стоимость проявляется в том, что он в качестве эквивалента замещает по усмотрению определенное количество всякого другого товара, безразлично, представляет ли он для владельца этого другого товара потребительную стоимость или нет» (Kritik, S. 22, рус. перев., с. 47). [Конец отчеркивания на полях карандашом] Разумеется, на самом деле не сам товар, а товаропроизводитель обладает этой способностью продвижения в любом направлении рынка: наличие товара, обладающего меновой стоимостью, дает ему возможность вступать в производственное отношение обмена с любым другим товаропроизводителем, независимо от того, нуждается ли последний в его товаре или нет. Конечно, формально этот акт обмена не может совершиться против согласия и воли последнего товаропроизводителя, но фактически такое согласие в развитом товарном хозяйстве почти всегда имеется и обеспечено: производители, как мы видели, согласны отдавать продукты своего труда любому лицу, дающему в обмен равную стоимость. «Меновая стоимость» продукта труда заключается в том, что обладание последним дает товаропроизводителю возможность **вступить в производственное отношение обмена с любым другим товаропроизводителем**. Продукт труда приобретает особую социальную функцию посредника или «носителя производственных отношений» между людьми, он становится «активным носителем меновой стоимости» (Kritik, S. 20, рус. перев., с. 46). Товаропроизводитель же становится активным установителем производственных отношений с другими членами общества.

5. Двойственное положение товаровладельца

Как видим, господствующие в товарном обществе своеобразные производственные отношения, связывающие людей через посредство вещей, делают положение товаропроизводителя в рыночном процессе обмена двойственным: поскольку продукт труда есть потребительная стоимость, продвижение которой является извне предопределенным для данного товаропроизводителя, последний играет роль пассивного участника производственного отношения; поскольку же продукт его труда представляет собой меновую стоимость, товаропроизводитель играет роль активного установителя производственного отношения. **Этот двойственный, пассивно-активный характер производственных отношений между товаровладельцами Маркс и сформулировал в своем известном учении о двойственной природе товара как потребительной и меновой стоимости.** «Одно и то же отношение должно быть отношением товаров как по существу равных и лишь количественно различных величин, т. е. приравниванием их как овеществления всеобщего рабочего времени, и одновременно должно быть отношением их как качественно различных вещей, как особенных потребительных стоимостей для особенных потребностей, т. е. отношением, различающим их как действительные потребительные стоимости. Но такое равенство и неравенство друг друга взаимно исключают» (Kritik, S. 22–23, рус. перев., с. 47–48). Это «равенство» товаров как меновых стоимостей означает возможность для производителя приравнивать продукт своего труда любому другому продукту, т. е. выступать активным участником производственного отношения обмена. «Неравенство» товаров как потребительных стоимостей означает необходимость поставить данный продукт труда в связь с чьей-нибудь платежеспособною потребностью, необходимость для данного товаропроизводителя ждать, пока другие товаропроизводители приравнивают продукты своего труда данному продукту, т. е. необходимость выступать пассивным участником производственного отношения обмена. Под «метафизической» оболочкой учения о двойственной природе товара мы находим социологический анализ производственных отношений между товаропроизводителями. Мы констатировали, что каждый товаропроизводитель должен выступать по отношению к остальным в двойственной роли активного установителя и пассивного восприемника производственного отношения обмена. Одновременное выполнение участником обмена обеих этих ролей, пассивной и активной, возможно только в случае натурального обмена, который определяется одновременно спросом данного участника обмена на продукт труда другого и спросом, предъявляемым последним на продукт труда первого. Но такое одновременное соединение в одном лице пассивной и активной роли на деле уничтожает его активность, т. е. лишает его возможности обменять продукт своего труда на любой другой по его усмотрению. Здесь нет всестороннего обмена и приравнивания продуктов труда и, следовательно, нет еще развитой меновой стоимости. Обмен носит еще случайный и ограниченный характер и определяется индивидуальными потребностями данных лиц. Всесторонний обмен предполагает возможность обмена каждого продукта труда на любой другой продукт; следовательно, активная роль данного товаропроизводителя как установителя производственного отношения обмена не должна парализоваться одновременной ролью его как пассивного восприемника. А это значит, что каждый товаропроизводитель должен выступать в обеих этих ролях последовательно во времени, являясь попеременно то в одной, то в другой.

Итак, в каждом процессе обмена данный товаропроизводитель в данный момент играет либо активную, либо

пассивную роль. Легко понять, что второй участник обмена должен всегда играть роль, противоположную роли первого. Если данный товаропроизводитель **А** активно устанавливает производственное отношение по своему усмотрению с любым из остальных товаропроизводителей, это значит, что последний в данный момент лишен возможности выбрать по своему усмотрению контрагента сделки обмена. Полярное разделение активной и пассивной роли между обоими участниками обмена находит выражение в полярном разделении между продуктами их труда одновременной роли меновой и потребительной стоимости. [На полях знак вопроса] Если продукт труда **А** может быть в данный момент обменен на любой из остальных товаров, то, очевидно, последний в данный момент лишен такой способности. Если товар **А** может свободно продвигаться в любом направлении рынка и, следовательно, играет роль меновой стоимости, способной к всестороннему приравниванию, то другие товары тем самым одновременно ограничены в своем продвижении, играя пассивную роль потребительной стоимости. Невозможность для обоих участников данного акта обмена выступать одновременно в активной роли подчеркивается Марксом в «Капитале»: «Каждый товаровладелец хочет отчуждать свой товар лишь в обмен на такие товары, потребительная стоимость которых удовлетворяет его потребности. С этой стороны обмен представляет для него чисто индивидуальный процесс. Но, кроме того, он хочет реализовать свой товар как стоимость, т. е. реализовать его в любом из других товаров той же стоимости, независимо от того, имеет ли его собственный товар потребительную стоимость для владельцев других товаров или нет. С этой точки зрения обмен представляет для него всеобщий и общественный процесс. **Но один и тот же процесс не может быть для всех товаровладельцев в одно и то же время только индивидуальным и только всеобщим и общественным.** Присмотревшись к делу внимательнее, мы увидим, что для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар — роль всеобщего эквивалента всех других товаров. **Но так как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один товар фактически не является всеобщим эквивалентом,** а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отождествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как стоимости определенной величины» (Капитал I, с. 53-54. Выделение наше. — *И. Р.*). Одновременное выступление всех товаровладельцев в активной роли установителей производственных отношений обмена приводит к взаимному парализованию их активности. Одновременное выступление обоих обмениваемых продуктов труда в роли меновой стоимости, могущей быть обмененной на любой другой продукт труда (т. е. в роли всеобщего эквивалента всех других товаров), приводит к тому, что ни один из них не может играть эту роль. Если один из обмениваемых товаров обладает способностью непосредственной обмениваемости на любой другой товар, то второй товар, участвующий в данном акте обмена, этой способностью не обладает: он может быть обменен на любой другой товар не непосредственно, а через посредство своего обмена на первый товар. «Форма всеобщей непосредственной обмениваемости не обнаруживает при первом взгляде на нее того обстоятельства, что она — противоречивая товарная форма, так же неразрывно связанная с формой не непосредственной обмениваемости, как положительный полюс магнита с его отрицательным полюсом. Поэтому так же можно вообразить себе, что на все товары одновременно наложен штемпель непосредственной обмениваемости, как можно вообразить, что всех католиков возможно сделать папами» (Капитал I, с. 36). [Цитата отчеркнута на полях карандашом]

Мы приходим к следующим выводам. С одной стороны, каждый товаропроизводитель должен играть в процессе обмена попеременно активную роль установителя производственных отношений и пассивную роль восприимчика производственных отношений, устанавливаемых другими. С другой стороны, оба участника обмена не могут одновременно выступать в активной роли: активная роль одного тем самым означает одновременную пассивную роль другого. Производственная связь между двумя товаропроизводителями в акте обмена не только создает известную координацию между ними, но и содержит некоторый элемент субординации, т. е. неодинакового распределения активной и пассивной роли. Но, как мы знаем, в товарном обществе нет органа, устанавливающего заранее сознательно определенные отношения между независимыми производителями. В обмене товаровладельцы противостоят друг другу как вполне равноправные субъекты хозяйства, общественная позиция которых в акте обмена зависит исключительно от характера вещей, находящихся в их обладании: производственные отношения между ними носят «вещный» характер. Следовательно, и активная роль данного товаровладельца в акте обмена обуславливается непосредственно не его социальной функцией в производственном процессе, а фактом обладания определенной вещью, т. е. социальной функцией вещи. [Последнее и часть следующего за ним предложения (до двосточия) отчеркнуты на полях карандашом с пометкой: «мало»] Раз в каждом акте обмена один из товаровладельцев должен играть активную роль инициатора и установителя данного производственного отношения, и раз такую роль он может выполнять исключительно как владелец определенных вещей или товаров, то отсюда с неизбежностью вытекает следующий вывод: обладание определенным товаром дает возможность его владельцу вступать в производственное отношение обмена с любым другим товаровладельцем, иначе говоря, дает возможность обменять данный товар на любой другой по своему выбору Товар, **выполняющий социальную функцию активного установителя производственных отношений обмена между товаровладельцами, т. е. обладающий способностью непосредственной всеобщей обмениваемости на любой другой товар, и есть деньги.**

В «Капитале» Маркс определяет деньги как «всеобщий эквивалент» или товар, находящийся во «всеобщей эквивалентной форме» (Капитал I, с. 36 и др.). Характерной особенностью эквивалента вообще Маркс повсюду считает его способность «непосредственной обмениваемости» (Капитал I, с. 23, 26, 29, 34, 35-36, 37). Всеобщий же экви-

валент — это товар, находящийся в «форме непосредственной всеобщей обмениваемости» (Капитал I, с. 37), т. е. могущий быть непосредственно обмененным на любой другой товар. В этой способности играть роль активного установителя производственного отношения обмена, быть «активным носителем меновой стоимости», «носителем экономического отношения» (Kritik, S. 20, 21, рус. перев., с. 46) и заключается основной характер денег, их социальная функция или социальная форма. По существу, такое же, хотя иначе выраженное, определение денег Маркс дает в «Критике политической экономии»: «Особый товар, представляющий адекватное существование меновой стоимости всех товаров, или меновая стоимость товаров как особый выделенный товар — и есть **деньги**. Это — кристаллизация меновой стоимости товаров, кристаллизация, которую сами товары создают в процессе обмена» (Kritik, S. 28, рус. перев., с. 51). (Как было подробно изложено выше, Маркс постоянно подчеркивает, особенно в «Критике», что характерной особенностью товара как меновой стоимости является способность быть обмененным на любой другой товар, заместить его в определенной пропорции.) Деньги как «кристаллизация меновой стоимости», и означают фиксацию за определенным конкретным товаром (золотом) этой способности всеобщего приравнивания или непосредственной всеобщей обмениваемости. Определение денег, данное Марксом в «Критике», вполне сходится с его же определением в «Капитале».

6. Деньги как средство принуждения

Резюмируя изложенное, можно сказать, что развитие и повсеместное распространение денег являются необходимым результатом самой структуры товарного общества, сочетающей общественное единство материального процесса производства с формальной независимостью частных хозяйств. Продвижение продуктов труда в процессе производства и потребления предоставлено усмотрению отдельных частных товаропроизводителей, но вместе с тем каждый из последних связан волей своего контрагента. Акт непосредственного обмена продуктов труда двух товаропроизводителей может быть установлен лишь на началах «свободного» договора или совпадения воли обоих контрагентов. Акт обмена, обусловленный наличием у каждого из его участников потребности в продвижении к нему продукта труда другого участника обмена, неизбежно носит индивидуальный и случайный характер. Общественный, отличающийся закономерным постоянством процесс обмена возможен только при том условии, если продвижение продуктов может происходить по инициативе любого из товаропроизводителей. А это имеет место в том случае, когда в процессе обмена выделился историческим путем товар, обладание которым дает владельцу его возможность выступать инициатором или активным установителем производственного отношения обмена, т. е. деньги. [Начало отчеркивания на полях карандашом и запись: «мало»] В систему частных хозяйств, формально равноправных и допускающих только взаимную координацию действий на началах соглашения, деньги вносят первичную дифференциацию активных и пассивных ролей, попеременно выполняемых каждым товаропроизводителем, вносят зародышевые формы подчинения (принуждения) и субординации. Деньги являются «общественной силой», они «измеряют общественное богатство своего владельца» (Капитал I, с. 101), его общественную власть. «Свободный» договор обмена, формально предполагающий абсолютное равноправие обоих его участников, фактически заключается по инициативе одного из них, владельца денег. Этим преодолевается связанность и ограниченность процесса обмена, основанного на совпадении воли обоих контрагентов. Хотя основой товарного общества служит «юридическое отношение, формой которого является договор», но «содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим отношением» (Капитал I, с. 52). [Конец отчеркивания на полях карандашом] Экономическое отношение обмена, завершающееся развитием денег, вносит закономерность и постоянство в систему юридических отношений, основанных на совпадении индивидуальных воли отдельных лиц. Резюмируя изложенное, можно сказать, что развитие и повсеместное распространение денег являются необходимым результатом самой структуры товарного общества, сочетающей общественное единство материального процесса производства с формальной независимостью частных хозяйств. Продвижение продуктов труда в процессе производства и потребления предоставлено усмотрению отдельных частных товаропроизводителей, но вместе с тем каждый из последних связан волей своего контрагента. Акт непосредственного обмена продуктов труда двух товаропроизводителей может быть установлен лишь на началах «свободного» договора или совпадения воли обоих контрагентов. Акт обмена, обусловленный наличием у каждого из его участников потребности в продвижении к нему продукта труда другого участника обмена, неизбежно носит индивидуальный и случайный характер. Общественный, отличающийся закономерным постоянством процесс обмена возможен только при том условии, если продвижение продуктов может происходить по инициативе любого из товаропроизводителей. А это имеет место в том случае, когда в процессе обмена выделился историческим путем товар, обладание которым дает владельцу его возможность выступать инициатором или активным установителем производственного отношения обмена, т. е. деньги. [Начало отчеркивания на полях карандашом и запись: «мало»] В систему частных хозяйств, формально равноправных и допускающих только взаимную координацию действий на началах соглашения, деньги вносят первичную дифференциацию активных и пассивных ролей, попеременно выполняемых каждым товаропроизводителем, вносят зародышевые формы подчинения (принуждения) и субординации. Деньги являются «общественной силой», они «измеряют общественное богатство своего владельца» (Капитал I, с. 101), его общественную власть. «Свободный» договор обмена, формально предполагающий абсолютное равноправие обоих его участников, фактически заключается по инициативе одного из них, владельца денег. Этим преодолевается связанность и ограниченность процесса обмена, основанного на совпадении воли обоих контрагентов. Хотя основой товарного

общества служит «юридическое отношение, формой которого является договор», но «содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим отношением» (Капитал I, с. 52). [Конец отчеркивания на полях карандашом] Экономическое отношение обмена, завершающееся развитием денег, вносит закономерность и постоянство в систему юридических отношений, основанных на совпадении индивидуальных волей отдельных лиц.

7. Учение Рыкачева

В книге А. М. Рыкачева «Деньги и денежная власть» мы встречаем вполне ясное понимание того, что современный обмен, как «нормальный процесс, на который каждый из участников этого процесса вперед рассчитывает и притом рассчитывает безотносительно к расчетам и желаниям всех других», не может иметь своей основой такой свободный договор, который предполагает «необходимость дожидаться или добиваться совпадения двух или более волей». «Договор есть очень элементарная форма обмена услуг, настолько элементарная, что сама по себе она не в силах удовлетворить запросам сколько-нибудь развитого человеческого общества и по необходимости дополняется другими формами — непосредственным принуждением или денежной оценкой». «Деньги суть средство обеспечения свободы выбора хозяйственных благ», освобождающее участника обмена от зависимости от воли других товаровладельцев. Но А. Рыкачев забывает самое существенное и важное: что возможность для одного участника менового акта свободы выбора хозяйственных благ означает одновременное отсутствие такой же свободы, т. е. принуждение, для другого участника того же самого акта. Активная роль одного участника в обмене предполагает на другой стороне пассивную роль. Если современный обмен представляет собой «нормальный процесс, на который каждый из участников этого процесса вперед рассчитывает и притом рассчитывает безотносительно к расчетам и желаниям всех других», то это возможно только при одном условии: если «расчеты и желания всех других» товаропроизводителей закономерно определяются объективными общественными процессами производства и обмена. Видимая свобода «мотивации» отдельного товаропроизводителя необходимо предполагает объективную «лимитацию» (ограничение, связанность) действий всех товаропроизводителей в совокупности: первая без последней сделала бы невозможным общественный процесс производства, превратив общество в хаос несогласованных и перекрещивающихся действий отдельных людей. Основная социальная функция денег в товарном хозяйстве заключается не столько в роли их как орудия свободной мотивации, сколько в их роли как орудия «лимитации», или давления на мотивы товаропроизводителей. Талоны, которые будут выдаваться в социалистическом обществе отдельным членам его на право приобретения из общественных складов любых продуктов в определенном количестве, будут не хуже теперешних денег выполнять роль «средства обеспечения свободы выбора хозяйственных благ». Но они не будут непосредственно определять мотивы и действия производителей, и потому не будут «деньгами» в современном смысле слова. Упустив из виду роль денег как орудия подчинения, А. Рыкачев приходит к выводу, что «купля-продажа перестает быть двусторонней сделкой и превращается в ряд односторонних актов покупателей и продавцов, самостоятельно преследующих свои интересы». Товарное общество в изображении А. Рыкачева превращается в фантастическое царство всеобщей неограниченной свободы: каждый делает односторонне, что ему угодно, и все же обмен сохраняет характер «нормального процесса». На самом же деле, и при денежном обмене система производственных отношений людей основана не на односторонних актах, а на двусторонних сделках, отличающихся, однако, тем, что активная и пассивная роли дифференцированы в лице разных участников сделки.

Не приходится, конечно, удивляться, что А. Рыкачев, хотя и считает свое определение денег как средства свободного выбора хозяйственных благ, в сущности, совпадающим с Марксовым определением денег как всеобщего эквивалента, на самом деле совершенно не понял самой ценной стороны учения Маркса о социально-связующей, лимитирующей роли денег. Для него учение Маркса остается «философским умозрением», оперирующим «результатом логического развития внутренних противоречий, будто бы заключающихся в понятии товара».

Данное нами выше определение денег отличается от определения, данного р. Гильфердингом: «Вещь, которая посредством коллективных действий товаров получила полномочие на то, чтобы выражать стоимость всех остальных товаров, это — деньги». По нашему же определению, деньги — это вещь, которая посредством коллективных действий товаров получила полномочие активно устанавливать производственное отношение обмена, т. е. получила способность непосредственной обмениваемости. Результатом этого основного характера денег является выполняемая ими функция мерила стоимости, которую Гильфердинг берет за основу своего определения. Мы не приняли определения Гильфердинга по следующим двум соображениям. Во-первых, мы ставили себе целью выяснить смысл определения, данного самим Марксом. Для Маркса же всеобщим эквивалентом является товар, обладающий способностью непосредственной всеобщей обмениваемости, в то время как Гильфердинг определяет эквивалент, как «товар, в котором все другие товары выражают свою стоимость». И здесь, как видим, Гильфердинг исходит из функции мерила стоимости. Для Маркса же мерило стоимости представляет собой только «одну из функций денег, или деньги в определенной форме». Во-вторых, мы считаем желательным дать определение денег, характеризующее те производственные отношения людей, выражением которых и является данная вещная категория, т. е. денежная форма товара. В нашем определении подчеркивается, что речь идет об активном установлении обмена, т. е. о производственном отношении обмена между двумя товаропроизводителями,

с дифференцированием активной и пассивной ролей, распределенных полярным образом между ними. Это есть определенный тип отношений между людьми, — тип, придающий особое вещное свойство «денег» товару, находящемуся в руках активного участника обмена. Разумеется, и формула Гильфердинга говорит скрытым образом о том же типе производственных отношений между людьми, но прямой характеристики их она не содержит.

IV. Возникновение денег

Мы видели, что развитое товарное хозяйство с всесторонним обменом товаров необходимо предполагает выделение из среды всех товаров одного, обладающего свойством непосредственной обмениваемости, т. е. выполняющего функцию денег. Но этим мы еще не ответили на вопрос о том, как произошло фактически такое выделение денег, каков исторический процесс возникновения и развития денег.

Разумеется, Маркс, основная задача которого заключалась в объяснении явлений капиталистического хозяйства, не мог заниматься специальными историческими изысканиями относительно происхождения денег, изысканиями, относящимися к доисторическим и самым ранним историческим эпохам. Но, с другой стороны, рассматривая все стороны современного экономического строя как исторически-преходящие и под углом зрения их исторического развития, Маркс не мог не уделить внимания и вопросу об историческом происхождении денег. Замечания его на этот счет, при всей своей скудости, представляются очень интересными и ценными. Помимо этих замечаний чисто исторического характера, мы встречаем у Маркса, особенно в учении о деньгах, свое образное сплетение исторической и теоретической точек зрения. Нередко Маркс, «кокетничая», как он выражается, гегельянством, изображает прежние фазы исторического развития, как отдельные «моменты» или стороны позднейшей более развитой формы того же явления, или, наоборот, ступени логического анализа сложного явления изображает в виде последовательных ступеней или фаз исторического развития. Такое сплетение теоретического и исторического изучения особенно заметно в учении Маркса о «формах стоимости», делая понимание его в высшей степени трудным.

В первой половине XIX столетия на вопрос о происхождении денег, как и других форм общественной жизни, давался большей частью рационалистический ответ. Ученые констатировали полезность или целесообразность данного социального института, например денег, и считали этим задачу свою законченной: предполагалось, что полезность данного института служила прямым побудительным мотивом для сознательного введения его людьми. Анализируя трудности натурального обмена и облегчение его, вызываемое употреблением денег, ученые полагали, что люди путем особого соглашения или общественного договора условились считать какой-либо товар деньгами для облегчения обмена. Другие ученые видели источник происхождения денег в изобретениях отдельных лиц (теория археолога А. Бека) или в сознательной деятельности государственной власти.

Заслуга Маркса заключается в том, что в то время, когда еще не были известны новейшие археологические, этнографические и исторические данные, рисующие социально-стихийное развитие денег, он твердо отстаивал такую точку зрения, исходя из своей общей исторической и экономической концепции. Деньги явились в результате постепенного расширения и усложнения обмена, путем повторяющихся массовых бессознательных действий участников обмена, без решающего сознательного воздействия государственной власти. Иначе говоря, происхождение денег носит социально-экономический, а не государственный, стихийный, а не сознательный характер.

«Деньги не являются продуктом размышления или договора, но образовались инстинктообразно в процессе обмена» (Kritik, S. 29 и рус. перев., с. 51). «Природный инстинкт товаровладельцев» побуждал их делать дело, прежде чем рассуждать (Капитал I, с. 54). Эти действия участников обмена определялись характером и потребностями процесса обмена.

Первоначальный обмен возникает не между членами общины, живущей в условиях натурального, а подчас и коммунистического хозяйства, но между разными общинами или их членами (Капитал I, с. 55). Отсюда постепенно обмен проникает и внутрь общины, содействуя ее разложению (Kritik, S. 30, рус. перев., с. 52). Продукты труда, становясь товарами в междообщинном обмене, приобретают меновую стоимость и внутри общины (Капитал I, с. 55). Первоначально обмен охватывает небольшое число продуктов, носит исключительный и случайный характер. Он происходит в форме натурального обмена, при котором оба обмениваемых продукта являются потребительными стоимостями для участников обмена. С другой стороны, продукт еще не производится специально для обмена, и только излишек его, остающийся за покрытием собственных потребностей, поступает в обмен. Таким образом, и в объективном процессе производства, и в сознании участников обмена меновая стоимость еще не отделилась от потребительной (Kritik, 30 и рус. перев., с. 52). Каждый из двух обмениваемых продуктов определяет движение другого продукта и вместе с тем в своем движении определяется последним, т. е. выполняет одновременно пассивную роль потребительной стоимости и активную роль меновой стоимости или эквивалента. [Против последнего предложения на полях знак вопроса: «?»] Случайный характер обмена делает случайными и колеблющимися количественные пропорции обмениваемых вещей. В общем эта стадия натурального обмена «представляет собой скорее превращение потребительных стоимостей в товары, чем превращение товаров в деньги» (Kritik, S. 30, рус. перев., с. 52). Продукт труда получает зародышевую форму меновой стоимости, соответствующую приблизительно (не полностью) тому, что Маркс в своей схеме развития форм стоимости назвал «простой или случайной формой

стоимости».

Появившись на почве примитивно-зачаточного разделения труда между отдельными общинами, вызываемого часто различием окружающих их естественных условий, обмен, в свою очередь, дает сильнейший толчок разделению труда. Рост разделения труда опять-таки приводит к расширению и углублению обмена, как в смысле количественного увеличения пропорции продуктов данного рода, поступающих в обмен, так и вовлечением в обмен новых видов продуктов, до тех пор потреблявшихся в собственном хозяйстве. В этом процессе постепенного вовлечения в обмен все новых видов продуктов обычно выделяются и получают особое значение те продукты труда, которые уже в широких размерах являются предметами обмена. Каждое лицо, приносящее продукт свой на рынок, старается обменять его на один из указанных наиболее распространенных предметов обмена, либо потому что в виду своей большей распространенности эти продукты наиболее часто ему требуются, либо потому, что они дают ему возможность получить потом в обмен на них тот конкретный продукт, в котором он нуждается. Один или несколько продуктов наиболее часто обмениваются на все прочие и наиболее часто сравниваются с ними. Обычно такую роль играет не один, а несколько товаров, между которыми в свою очередь устанавливается известная пропорция обмена. Создается система расценки одного товара в нескольких других. У племени бонду в западном Судане раб приравнивался 1 ружью и 2 бутылкам пороха, или

- = 5 быкам, или
- = 100 кускам ткани.

У дарфуров в Центральной Африке раб приравнивался 30 кускам хлопчатобумажной ткани определенной длины, или 6 быкам, или 10 испанским долларам определенной чеканки. М. И. Туган-Барановский правильно отмечает, что такая система расценок, очень распространенная на низших стадиях обмена, соответствует «развернутой форме стоимости» Маркса.

На этой стадии развитие обмена не останавливается. Процесс дифференциации идет дальше, в сторону выделения из целой группы товаров одного наиболее часто фигурирующего в обмене. «Оборот товаров, в котором товарладельцы обменивают свои собственные продукты на различные другие продукты и приравнивают их друг другу, никогда не может совершаться таким способом, чтобы при этом различные товары различных товарладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости» (Капитал I, с. 56). Вместо расценки одного товара в нескольких появляется расценка нескольких товаров в одном и том же товаре, являющемся их эквивалентом. Вначале «эта всеобщая эквивалентная форма появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал ее к жизни. Попеременно выпадает она на долю то того, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно и исключительно срастается лишь с определенными видами товаров, или кристаллизуется в денежную форму» (там же). Понадобился долгий процесс исторического развития, прежде чем эта денежная функция была фиксирована за благородными металлами. У разных племен и народов роль денег выполнялась различными товарами, и у каждого народа денежный материал менялся с течением времени. Если перечислить все товары, служившие в свое время в различных местностях в качестве денег, то получится длиннейший и пестрый список самых различных предметов. Выбор того или иного предмета определялся целым рядом объективных условий: родом хозяйства данного племени, степенью его богатства, сношениями с другими племенами и т. п. В «Критике» Маркс говорит, что роль денег выполняла обычно «наиболее всеобщая потребительная стоимость», образующая «наиболее значительную составную часть материального богатства» данного племени (Kritik, S. 29 и рус. перев., с. 52). В «Капитале» Маркс детализирует это замечание. Роль денег выполняли: либо наиболее важные предметы, которые получались извне, путем внешнего обмена, и потому представляли собой как бы естественную форму проявления меновой стоимости туземных продуктов; либо же предмет потребления, составлявший главный элемент туземного отчуждаемого имущества, например скот, рабы и т. п. (Капитал I, с. 56-57). В общем эти замечания Маркса находят полное подтверждение в новейших данных этнографии и археологии. к. Гельферих резюмирует эти данные в следующих словах: «У охотничьих народов средством обмена служит прежде всего оружие, у пастушеских — скот, у племен, ведущих торговлю с чужими купцами, товары, получаемые от последних или отдаваемые им в обмен». Наряду с этими группами предметов, служивших наиболее часто первоначальными деньгами, Гельферих помещает также группу предметов украшения, куда входят и благородные металлы. Не следует, однако, упускать из виду, что предметы украшения очень часто подходят под первую из указанных Марксом групп (т. е. предметов ввоза) и, кроме того, металлы вообще, а частью также благородные, у первобытных народов являлись одним из важнейших средств производства (Kritik, S. 158 и рус. перев., с. 126).

Первоначально металлы выполняли роль денег наряду с другими товарами. Иногда у одного и того же племени товары расценивались одновременно в металле и скоте и т. п. Но постепенно металлы вытесняли другие товары, выполнявшие функцию денег. Причину этого следует искать в общеизвестных естественных свойствах металлов, благодаря которым они наилучшим образом могут выражать количественные различия: это — их однородность и делимость. Сюда присоединяются их высокая прочность, а для благородных металлов их высокая удельная стоимость, благодаря которой они постепенно вытеснили более простые металлы, оставив последним сферу разменных денег (Kritik, S. 156-158 и рус. перев., с. 124-126). «Деньги по природе своей суть золото и серебро, хотя золото

и серебро по природе — не деньги» (там же и Капитал I, с. 57). Превращение благородных металлов в деньги предполагает определенную социальную структуру общества, основанную на товарном хозяйстве и развитом обмене; но наличие последних неизбежно вызывает появление денег и фиксацию за каким-нибудь товаром общественной функции денег, которая в конце концов наилучшего для себя носителя находит в благородных металлах. Вообразим, что на земле совсем не было бы предметов, отличающихся однородностью и делимостью в столь идеальной степени, как благородные металлы. В таком случае развитие обмена фиксировало бы функцию денег за каким-нибудь другим продуктом труда, хотя, несомненно, обмен встречал бы тогда ряд технических неудобств, устраняемых применением благородных металлов в роли денег. Появление денег является следствием исключительно социальной структуры хозяйства, фиксация же этой функции именно за благородными металлами объясняется в первую очередь естественными свойствами последних.

Первоначально металлы употреблялись в виде кусков, брусков, колец и т. и. При платежах металл взвешивался, отчего во многих языках глаголы «платить» и «взвешивать» происходят от общего корня. С течением времени, для удобства платежей, металлы начинают изготавливаться в виде брусков, кусков и т. п. известной пробы и определенного веса. В Вавилонии, где благородные металлы ранее всего заняли место денег, вырабатывается особая весовая система: определенный вес, названный талантом, делится на 60 мин, а каждая мина — на 60 шекелей. Система эта, основанная на «таланте», получила очень широкое распространение и перешла в видоизмененной форме в Египет, переднюю Азию и Грецию. Передняя Азия, центр оживленнейших торговых сношений на перепутье между Грецией, Египтом и Ассирийско-Вавилонией, естественно, стала и центром дальнейшего развития благородных металлов в роли денег. Богатые финикийские купцы снабжали слитки металлов своим штампом, удостоверявшим их пробу и вес. Отсюда был уже один шаг до чеканки монеты, которая представляет собой не что иное, как куски металла определенной пробы и веса, снабженные штампом местной государственной власти. Первые монеты появились также в передней Азии, в VIII–VII веках до Рождества Христова, по мнению одних ученых, в Лидии, по мнению других, — в греческих колониях Малой Азии. Они быстро распространились в других странах.

Появление монеты имело колоссальное значение в истории денежного обращения. Отныне металл в его функции денег или носителя меновой стоимости внешним, видимым образом обособился от того же металла как потребительной стоимости. В пределах данного государства только государственная монета является узаконенным и обязательным к приему средством обмена и платежей. Участник обмена, принимая монету, не интересуется фактическим весом и пробой содержащегося в ней металла. С другой стороны, металл в слитках внутри страны в качестве денег не функционирует. Тем не менее значимость монеты как узаконенного средства обмена и платежей находится и в настоящее время в тесной, хотя и не всегда прямой, связи со стоимостью благородного металла. Многократные попытки государственной власти использовать свою монетную регалию (монопольное право чеканки монеты) или право выпуска бумажных денег для того, чтобы окончательно оторвать денежную систему страны от металлической основы, обычно кончались неудачей и вызывали сильнейшую реакцию со стороны товарного обращения. Наглядным подтверждением этого служит факт возвращения в настоящее время России, Германии и других государств к денежной системе, хотя и не основанной на непосредственном золотом обращении, но все же «прислоненной» к золоту. Поскольку предметом нашего изучения является не степень и формы воздействия государственной власти на денежное обращение, а внутренние законы последнего, определяемые развитием товарного обмена, мы не можем усмотреть никакой пропасти между домонетным и монетным обращением, между «пензаторными» и «хартальными» платежными средствами, по выражению г. Ф. Кнаппа.

Тем менее можно утверждать наличие такой пропасти с точки зрения эволюционноисторической. Чеканка монеты была одним из этапов эволюции, начавшейся гораздо ранее появления монет, и нельзя, как то делает Кнапп, первыми деньгами считать только первые монеты. В чеканке первых монет государственная власть констатировала и узаконивала положение денежного обращения, сложившееся до ее вмешательства, на основе массовых бессознательных действий товарладельцев, вызываемых потребностями товарного обмена. Государственная власть брала для чеканки монет тот самый металл, который и раньше фигурировал в качестве денег. Она не могла изменить стоимость этого металла, т. е. пропорции обмена его на разные товары. Даже вес монет большей частью не устанавливался произвольным актом государственной власти, а сообразовался с весом металлических слитков, фигурировавших в обращении до появления монеты. Новейшие данные пролили яркий свет на тесную преемственность, связывавшую различные стадии денежного обращения. Так, например, известный ученый У. Риджвей полагает, что золотой талант представлял собой первоначально кусок золота, равный как раз цене быка. Когда металл вытеснил скот в роли денег, денежная единица металлического обращения была определена на основе преемственной связи с прежней денежной единицей, каковою служил бык. Этим Риджвей думает объяснить поразительное совпадение веса древних золотых монет и золотых предметов, служивших в качестве денег у самых различных народов. Риджвей делает гипотезу, что на всем протяжении Европы и передней Азии цена скота была приблизительно одинаковая, чем и объясняется приблизительно одинаковый вес указанных золотых предметов и монет (вес около 130–135 гран), выражавших первоначально цену быка. Поэтому же на древних монетах так часто встречается изображение быка и вообще скота, и самое название денег во многих языках происходит от названия скота.

Первоначальные названия монет также указывали на связь их с определенным весовым количеством металла. Мо-

нета получала название соответствующей весовой части металла — талант, фунт и т. д. «Готовые названия весового масштаба всегда образуют первоначальные названия денежного масштаба, или масштаба цен» (Капитал I, с. 65). Только в процессе длительного исторического развития денежный масштаб отделяется от весового масштаба и самостоятельно устанавливается государственной властью. Последняя может произвольно установить вес и название каждой монеты, но она ограничена как в выборе металла, так и в стоимости его, которая отражается прямым или косвенным образом на покупательной силе монеты.

V. Деньги и абстрактно-общественный труд

В предыдущих главах мы рассмотрели процесс возникновения денег и необходимость последних в товарном обществе, в котором люди связываются производственными отношениями через всестороннее приравнивание продуктов их труда как стоимостей. Теперь посмотрим, каким образом приравнивание товаров, происходящее через посредство денег, приводит к приравниванию труда и делает деньги выражением общественного и абстрактного труда.

1. Первая особенность

Процесс развития денег приводит к фиксации функции денег за одним каким-нибудь конкретным товаром, в конечном счете за золотом. Золото является тем товаром, который может быть непосредственно обменен на любой другой товар, и потому каждый товаровладелец должен прежде всего обменять продукт своего труда на золото как всеобщий эквивалент, должен его продать. Золото как меновая стоимость, способная заместить любой товар в определенной пропорции, противостоит всем другим товарам, как лишенным способности непосредственной обмениваемости. «Один товар, холст, находится в форме, дающей ему способность непосредственно обмениваться на все другие товары, или в непосредственной общественной форме, потому что и поскольку все остальные товары лишены этой формы» (Капитал I, с. 35-36). Происходит внешнее, видимое обособление потребительной стоимости от меновой: первая представлена всеми конкретными товарами, последняя — золотом как деньгами. Обмен товара на деньги превращает потребительную стоимость в меновую. Но ведь роль денег выполняет конкретный продукт труда или определенная потребительная стоимость, золото. Казалось бы, обмен товара А на столько-то унций золота еще не дает нам точного определения стоимости А, ибо нам неизвестна стоимость данного количества золота. А эта стоимость может быть определена в товарном хозяйстве опять-таки не непосредственно в трудовых единицах, а косвенно, в количестве другого товара, даваемого в обмен на золото. [Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом] Но после приравнения золота какому-нибудь товару В встает вопрос о стоимости последнего и т. д. В действительности, однако, товаропроизводители, приравнявая свои товары золоту и определяя таким образом их стоимость, не задаются дальнейшим вопросом о стоимости золота. Разумеется, их живо интересует вопрос о покупательной способности получаемого ими золота, но это есть вопрос о том, сколько конкретных потребительных стоимостей можно получить на абстрактную денежную единицу (т. е. единицу меновой стоимости), а не вопрос о том, какова меновая стоимость данных потребительных стоимостей или конкретных товаров. [Конец последнего предложения отчеркнут на полях карандашом] Последний вопрос решается приравнением товаров золоту, которое таким образом в своей конкретной форме известного предмета принимается за определенную стоимость. «В уравнении стоимости эквивалент имеет всегда только форму некоторого количества известной вещи, известной потребительной стоимости». Эта «потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости» (Капитал I, с. 23). Такова констатируемая Марксом первая особенность эквивалентной формы. [Два последних предложения отчеркнуты на полях карандашом]

Но каким образом может натуральная форма золота выражать меновую стоимость товара А? Это возможно только благодаря тому, что золото обладает свойством непосредственной всеобщей обмениваемости, что ему приравнивается не только данный товар А, но и все прочие товары. Тем самым товар А, будучи приравнен золоту, приравнивается и всем прочим товарам. А в этом и выражается его меновая стоимость, т. е. его способность всестороннего обмена на любой другой товар. Всеобщая форма стоимости «выражает стоимости товарного мира в одном и том же выделенном из него товарном виде, например в холсте, и представляет, таким образом, стоимости всех товаров при посредстве равенства их с холстом» (Капитал I, с. 33).

Иначе говоря, всестороннее приравнивание всех товаров друг другу происходит в товарном хозяйстве посредством приравнивания каждого из них одному выделенному конкретному товару (золоту). [Начало отчеркивания на полях карандашом] **Уравнение данного товара с золотом, в свою очередь уравненным со всеми прочими товарами, одновременно означает уравнение данного товара со всеми другими.** Через уравнение с одним конкретным товаром происходит уравнение со **всеми** товарами. Это реальное и повседневно происходящее на рынке явление Маркс и имел в виду в своей отвлеченной формуле о потребительной стоимости как форме проявления меновой стоимости или — что то же самое — о конкретном товаре как посреднике всестороннего приравнивания всех товаров. [Конец отчеркивания на полях карандашом] В явлении этом мы усматриваем не результат таинственного свойства потребительной стоимости служить формой проявления своей противоположности, а результат массовых действий товаропроизводителей, приравнивающих свои товары одному и тому же выделенному

товару. «Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому» (Капитал I, с. 34).

2. Вторая особенность

Итак, в товарном хозяйстве всестороннее приравнивание товаров друг другу происходит в форме приравнивания их одному и тому же выделенному товару, золоту. Но, как мы знаем, через рыночный процесс приравнивания товаров происходит общественный процесс распределения и приравнивания труда между разными отраслями производства. Речь идет не о мысленном акте отвлечения от конкретных особенностей отдельных видов труда и приравнивания их одинаковому, абстрактному, общечеловеческому труду — мысленном акте, который может происходить в уме участника обмена или теоретика-исследователя. Маркса интересует не «субъективное приравнивание индивидуальных работ», а «объективное уравнивание, которое общественный процесс с принудительной силой устанавливает между неравными видами труда» (Kritik, S. 42, рус. перев., с. 59) и которое выражается в равновесии между разными видами труда или отдельными отраслями производства. В товарном хозяйстве, никем сознательно не регулируемом, такое равновесие между отдельными сферами производства (постоянно нарушаемое и проявляющееся лишь в виде тенденции) устанавливается только через рыночное приравнивание их продуктов, как стоимостей, в определенной пропорции. «Только выражение **эквивалентности разнородных товаров** обнаруживает специфический характер труда, создающего стоимость, так как разнородные виды труда, заключающиеся в разнородных товарах, оно **действительно сводит** к их общей основе, к человеческому труду вообще» (Капитал I, с. 18. Выделение наше. — *И. Р.*). Посмотрим теперь, как происходит это приравнивание разнородных видов труда.

«Когда, например, сюртук, как воплощение стоимости, приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается труду, заключающемуся во втором» (Капитал I, с. 17). Если бы сюртук приравнивался всем другим товарам, произошло бы уравнивание портняжного труда со всеми другими видами конкретного труда. Иначе говоря, при определенной пропорции обмена сюртука на каждый из остальных товаров устанавливалось бы равновесие между портняжным трудом и другими соответствующими сферами производства. Конкретный труд портного был бы равен любому другому конкретному виду труда, или абстрактному труду вообще. Но, как мы видели, товары всесторонне приравниваются друг другу не непосредственным образом, а лишь через приравнение каждого из них особому товару, золоту. Следовательно, и всестороннее уравнивание всех конкретных видов труда происходит лишь через уравнивание каждого из них с конкретным видом труда, затрачиваемого на производство золота. Конкретный труд **А**, будучи приравнен конкретному труду, производящему золото, тем самым оказывается приравненным всем конкретным видам труда и, следовательно, является частью совокупного абстрактного общественного труда, распределенного между разными отраслями производства. «Тело товара, служащего эквивалентом, всегда представляет воплощение абстрактно человеческого труда и всегда в то же время есть продукт определенного полезного, конкретного труда. Таким образом, этот конкретный труд становится выражением абстрактного человеческого труда» (Капитал I, с. 25). «Итак, вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда» (Капитал I, с. 26). В этой особенности мы опять-таки должны усматривать не какое-то таинственное свойство труда, затраченного на производство эквивалента (золота), а исключительно результат общественного процесса приравнивания ему всех конкретных видов труда. Вторая особенность эквивалентной формы означает, что **уравнивание каждого конкретного вида труда со всеми другими происходит только через уравнивание его с конкретным трудом, затрачиваемым на производство эквивалента.**

В теории стоимости мы говорили, что в распределении труда между отраслями производства **А** (например портняжеством) и **В** (например ткачеством) состояние равновесия теоретически устанавливается при условии обмена на рынке сюртука на холст в известной пропорции, определяемой затратами труда на производство этих продуктов; при отклонении же цен от этой пропорции обмена начинаются приливы и отливы труда, т. е. перераспределение труда между данными двумя сферами производства. Иначе говоря, мы предполагали, что как приравнение продуктов обеих данных отраслей, так и уравнивание затраченного в них труда происходит в процессе их непосредственного взаимодействия. Теперь мы можем тот же процесс описать точнее, ближе к действительности. Оба продукта приравниваются на рынке не непосредственно друг другу, а золоту. Равновесие между обеими данными сферами производства наступит при определенном состоянии рыночных цен их продуктов, т. е. пропорций обмена их на золото. Отклонение этих цен от определенного уровня, соответствующего данному состоянию производительности труда в обеих сферах и, следовательно, трудовой стоимости их продуктов, вызывает перераспределение труда между этими сферами. А так как сфера **А** через цены своих продуктов (т. е. пропорции обмена их на золото) уравнивается не только со сферой **В**, но и со всеми другими сферами народного хозяйства, то в данном случае перераспределение труда между сферами **А** и **В** будет определяться не сравнительной выгодностью их по отношению друг к другу, но сравнительной выгодностью их по отношению ко всем другим сферам. Пусть при данном состоянии рыночных цен производство в сфере **А** выгоднее, чем в сфере **В**, но производство в обеих этих сферах менее выгодно по сравнению со всеми другими сферами народного хозяйства, **С**, **Д**, **Е** и т. д. В таком случае не будет иметь места перераспределение труда из сферы **В** в сферу **А**, как того можно было бы ожидать при непо-

средственном взаимодействии этих двух сфер, а будет происходить отлив труда из них обеих в другие отрасли производства. Через рыночные цены каждый вид труда уравнивается со всеми другими, т. е. конкретный труд превращается в абстрактный.

3. Третье

Итак, в процессе обмена эквивалент приравнивается всем другим товарам, а конкретный труд, затраченный на его производство, уравниваясь со всеми другими конкретными видами труда, тем самым приобретает характер труда абстрактного. Но раз труд, затраченный на производство эквивалента, приравнивается любому другому виду труда, то это значит, что он выступает в непосредственно общественной форме. Хотя золотопромышленность организована в форме частнокапиталистических предприятий и, следовательно, труд по добыче золота «носит частный характер, как и всякий другой вид труда, производящего товары», тем не менее он является «трудом в его непосредственной общественной форме» (Капитал I, с. 26). Владелец золота выступает как представитель «общественной власти денег», общественно признанного и общественно значимого вида труда; он может выступать активным участником любого акта обмена, и этим обнаруживает свое равенство с любым другим товаровладельцем. Наоборот, владелец конкретного товара, например сюртука, чтобы стать общественно равным и равнозначным любому другому товаровладельцу, должен предварительно обменять свой товар на деньги, т. е. приравнять свой частный труд частному труду золотопромышленника [здесь на полях стоит знак вопроса], выступающему в форме непосредственно общественного труда. Тем самым и труд портного приобретает характер непосредственно общественного труда. «Третья особенность эквивалентной формы состоит, таким образом, в том, что частный труд принимает форму своей противоположности, форму непосредственно общественного труда» (Капитал I, с. 26).

4. «Формы» обмена

Теперь мы можем резюмировать учение Маркса об «особенностях эквивалентной формы». Хотя Маркс иллюстрирует свои мысли на различных формах эквивалента, начиная с зародышевого «случайного» и кончая развитым «всеобщим эквивалентом», тем не менее полностью его мысли относятся именно к всеобщему эквиваленту, или деньгам. Всеобщий эквивалент, или деньги, выделился из среды товаров в ходе постепенной, медленной эволюции. Появление денег придало всему процессу обмена совершенно новый характер. Обмен представляет собой не только движение материальных вещей от одних товаропроизводителей к другим, «общественный обмен веществ», но и изменение социальной «формы» вещей и товаропроизводителей. Обращение есть «общественный процесс, который должны проделать продукты и в котором они принимают определенный общественный характер» (Капитал III, с. 409). [Последнее предложение записано на полях] Именно эта социальная форма обмена, а не его материальное содержание, изучается Марксом в его теории денег. «Мы будем рассматривать весь процесс лишь со стороны формы, следовательно, лишь изменение формы, или товарный метаморфоз, обслуживающий общественный обмен веществ» (Капитал I, с. 72). Как в теории стоимости Маркс выдвигает на первый план изучение социальной «формы стоимости», так и в теории денег его внимание направлено на «изменение форм». Как в теории стоимости Маркс ставит экономистам в вину, что они за вещественным содержанием процесса проглядели его социальную форму, так аналогичные упреки он высказывает и в теории денег: «Совершенно неудовлетворительное понимание этого изменения формы обуславливается, независимо от неясности относительно самого понятия стоимости, тем обстоятельством, что каждое изменение формы товара совершается путем обмена двух товаров: простого товара и денежного товара. Когда обращают внимание только на этот вещественный момент, обмен товара на золото, упускают из виду то, что следовало бы видеть прежде всего, а именно процесс, касающийся самой формы товара» (Капитал I, с. 72).

5. Тряпкое уравнивание

В чем же заключается это «изменение формы», происходящее в процессе обмена? В процессе обмена происходит **изменение социальной формы или социальной характеристики товаропроизводителей, вещей и труда**. Мы выше подробно рассматривали необходимость изменения в процессе обмена социальной роли товаропроизводителей. Последние вступают в обмен как представители частного хозяйства или частного труда, пассивные восприимчивики производственных отношений, а выходят из процесса обмена представителями общественной власти денег или общественного труда, активными установителями производственных отношений. Так как в товарном хозяйстве изменение социальной роли товаропроизводителей зависит от наличия у них известных вещей и придает последним определенную социальную форму, то параллельно с изменением социальной роли товаропроизводителей изменяется и социальная форма вещи или продукта труда: из конкретной потребительной стоимости, способной двигаться только в направлении к потребителю, он превращается в меновую стоимость или всеобщий эквивалент, обладающий всеобщей непосредственной обмениваемостью, т. е. способный продвигаться в любом направлении рынка. Изменение социальной характеристики товаропроизводителя, тесно связанное с изменением социальной формы продукта труда, приводит к изменению социальной характеристики труда товаропроизводителя: обменом продукта его труда на всеобщий эквивалент труд его включается в систему общественного разделения труда

и, уравниваясь со всеми другими видами труда, из конкретного становится абстрактным. В теории стоимости мы пришли к выводу, что стоимость представляет собой «производственное отношение между автономными товаропроизводителями, выраженное в вещной форме приравнивания товаров и в своем движении тесно связанное с равновесием и распределением труда в материальном процессе производства». Иначе говоря, в товарном хозяйстве существует равенство товаропроизводителей, которое выражается в равенстве товаров и через его посредство приводит к уравниванию труда. Но каким образом возможно такое уравнивание товаропроизводителей, товаров и труда в товарном хозяйстве, в котором такое уравнивание обществом сознательно не производится, в котором отдельные частные товаропроизводители (неравенство товаропроизводителей), прилагая свой труд по своему усмотрению в различных отраслях производства (неравенство конкретных видов труда), производят предметы, необходимые для удовлетворения различнейших потребностей (неравенство потребительных стоимостей)? На этот вопрос и дает нам ответ теория денег. В непосредственном процессе производства, действительно, отдельные частные товаропроизводители при помощи конкретных трудовых затрат создают различнейшие потребительные стоимости. Но в процессе обмена изменяется социальная характеристика товаровладельцев, товаров и труда. Выделение одного товара, например золота, в качестве всеобщего эквивалента означает, что данный товар приравнивается всем другим, его владелец социально равен всем другим товаровладельцам, а труд по добыче золота уравнивается со всеми прочими видами труда. Благодаря этому любой товар путем обмена его на золото приравнивается всем другим товарам (превращение потребительной стоимости в меновую), а вместе с тем изменяется и социальная характеристика его владельца (превращение частного труда в общественный) и затраченного на него труда (превращение конкретного труда в абстрактный). Результатом процесса обмена является равенство товаропроизводителей, приравнение товаров и уравнивание труда. Это тройное уравнивание, происходящее в реальном процессе рыночного обмена, Маркс выразил в своем учении о трех особенностях эквивалентной формы.

Тесная связь всех трех сторон процесса обмена: равенства товаропроизводителей, приравнивания товаров и уравнивания труда, в конечном счете объясняется основной особенностью товарного хозяйства, заключающейся в «овеществлении» производственных отношений людей, или «товарном фетишизме». Товаропроизводители вступают между собой в производственную связь только через обмен продуктов труда, и каждому видоизменению типа производственных отношений людей соответствует видоизменение социальной функции или социальной формы вещей, через посредство которых эти отношения устанавливаются. Отсюда тесная связь между процессами уравнивания людей, вещей и труда. Зависимость этих процессов от овеществления производственных отношений людей Маркс отмечает в главе о деньгах: «Имманентная товару противоположность **потребительной стоимости и стоимости, частного труда**, который в то же время должен представлять собой непосредственно **общественный труд**, особенного и **конкретного** труда, который, однако, функционирует лишь как **абстрактный** и всеобщий труд, **олицетворение вещей и овеществление лиц**, — это имманентное противоречие в полярной противоположности товарных метаморфоз получает развитые формы своего движения» (Капитал I, с. 81. Выделение наше. — *И. Р.*).

Трехчленную характеристику процесса уравнивания, являющегося результатом обмена, Маркс иногда заменяет двухчленной характеристикой этого процесса, как сводящегося к приравниванию товаров и уравниванию труда. В «Критике политической экономии» Маркс усматривает в появлении денег разрешение двух основных затруднений обмена: первое заключается в противоположности потребительной стоимости и меновой стоимости, второе — в противоположности «особенного труда частных лиц» и «всеобщего общественного труда» (Kritik, S. 24-25, рус. перев., с. 48-9). Процесс обмена через посредство денег приравнивает вещи и уравнивает труд. [Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом] Более подробное развитие этой двухчленной формулы находим в «Theorien über den Mehrwert» (Bd. III, S. 154. Выделение наше. — *И. Р.*): «Самостоятельное обособление меновой стоимости товара в виде денег само есть продукт процесса обмена, развитие заключенных в товаре противоречий между **потребительной стоимостью и меновой стоимостью** и равным образом заключенного в нем противоречия, состоящего в том, что **определенный, особенный труд частного лица** должен быть представлен как его противоположность, как **равный, необходимый, всеобщий** и в этой форме **общественный труд**».

Эта формулировка особенно ценна тем, что здесь Маркс изображает процесс уравнивания труда, как погашающий все отличия между трудом отдельных товаропроизводителей. Товаропроизводитель противостоит как частное лицо другим; он работает в особой сфере производства; данный вид труда, которым он занимается, обладает известной степенью квалифицированности (которая в отдельных случаях может быть равна нулю или даже отрицательной величине, т. е. может быть по уровню квалифицированности ниже простого среднего труда); наконец, трудовые затраты его индивидуальны, отличаясь качественно и количественно от трудовых затрат других производителей, изготовляющих тот же продукт. Значит, труд товаропроизводителя является трудом частным, конкретным, квалифицированным (т. е. обладающим той или иной степенью квалифицированности и индивидуальности). В процессе обмена, через приравнение всех товаров, устанавливается реальная связь между отдельными сферами производства, возможность приливов и отливов труда между ними, тенденция к известному равновесию между ними. В результате обмена не только уравниваются все частные хозяйства (превращение частного труда в общественный) и все сферы производства или виды труда (превращение конкретного труда в абстрактный); но, кроме того, уравниваются виды труда, отличающиеся различной степенью квалифицированности (превращение квалифицированного труда в простой), а также трудовые затраты, произведенные в разных предприятиях одной и той же

сферы производства и отличающиеся друг от друга уровнем производительности (превращение индивидуально-го труда в общественно необходимый). Через единый акт обмена происходит одновременное превращение труда частного, конкретного, квалифицированного и индивидуального в труд общественный, абстрактный, простой и общественно необходимый. Это и имел в виду Маркс в приведенной формулировке. Такую же формулировку дает и Гильфердинг: «Только совокупными функциями товаров в процессе обмена частное, индивидуальное и конкретное рабочее время отдельного члена общества превращается в то всеобщее, общественно необходимое и абстрактное рабочее время, которое создает стоимость». Гильфердинг только оставляет здесь в стороне одновременно происходящую в том же процессе обмена редукцию труда квалифицированного к простому.

VI. Мера стоимости

1. Мера стоимости и средство обращения

В экономической науке до сих пор продолжается спор о том, является ли основной, первичной функцией денег функция их в качестве меры стоимости или в качестве средства обращения. Одни ученые указывают, что золото становится мерой стоимости всех товаров лишь при том условии, если все товары обмениваются на него. Следовательно, первичной является функция средства обращения (К. Менгер, К. Гельферих). Другие ученые возражают, что золото является всеобщим средством обращения лишь при том условии, если, с одной стороны, все товары расценены в абстрактных счетных единицах, а с другой стороны, определенное количество золота приравнено той же счетной единице (например рублю). [Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом] А это значит, что первичной следует признать функцию меры стоимости (Г. Кассель, А. Амонн). Таким образом, логически одна функция является как бы предпосылкой другой, и, следовательно, путем логического анализа поставленный вопрос решен быть не может.

Также не поддается этот вопрос решению путем исторического исследования. С одной стороны, нет сомнения, что задолго до того, как все товары начали расцениваться в золоте, последнее служило в качестве посредника в меновых сделках или средствах обращения. Но, с другой стороны, нам известны относящиеся к глубокой древности случаи употребления золота в роли меры стоимости, хотя фактически золото при этом в акте обмена не фигурировало. «Древние египтяне, например, употребляли уже в III столетии до Рождества Христова медь и золото (но не серебро) в качестве денежного товара и всеобщего мерила стоимости, но измеряемые в своей ценности при помощи денег товары обменивались большей частью непосредственно. Так, например, в одной из таких меновых сделок обменивался бык. Его ценность устанавливалась равной 119 медным утну (14,4 килограммам меди). Но за него было дано: 1 мат, который расценивался в 25 утну, пять мер меди стоимостью в 4 утну, 8 мер масла стоимостью в 10 утну и еще 7 разных предметов на остальную сумму. В данном случае медь функционирует в качестве измерителя стоимости», но не средства обращения.

Невозможность решить вопрос о логическом или историческом приоритете той или иной из упомянутых двух функций денег заставила многих ученых признать обе эти функции основными, первичными, равноправными. Адольф Вагнер определяет поэтому деньги следующим образом: «Деньгами в экономическом смысле является объект, соединяющий в себе в меновом обороте обе экономические функции: средства обращения и меры стоимости».

В марксистской литературе более распространенным является взгляд, приписывающий решающее значение функции денег в качестве меры стоимости. «Эта функция денег также необходима и важна для развития товарного производства, как важен и самый оборот. Даже в качестве средства обращения денежный товар менее необходим, чем в качестве измерителя ценности». Еще решительнее высказывается в этом смысле Гильфердинг, который основным признаком определения денег берет роль их в качестве меры стоимости: «Вещь, которая посредством коллективных действий товаров получила полномочие на то, чтобы **выражать стоимость** всех остальных товаров, это — деньги». Присматриваясь, однако, ближе к этому определению, мы убеждаемся, что Гильфердингу не удалось вполне устранить из своего определения указание на роль денег в качестве средства обращения. Что значит «посредством коллективных действий товаров»? Это значит, что определенная вещь получила способность выражать стоимость всех товаров благодаря тому, что все товары на нее обменивались, тем самым придавая ей также характер средства обращения.

У Маркса мы также не найдем прямого ответа на интересующий нас вопрос. При поверхностном чтении Маркса может даже показаться, что он в разных местах высказывает противоречащие друг другу взгляды. В одном месте он говорит, что «оно (золото. — *И. Р.*) функционирует таким образом как всеобщая мера стоимостей, и сначала только в силу этой функции золото — этот специфический эквивалентный товар — делается деньгами». Казалось бы, функция меры стоимости является основной. Но «с другой стороны, золоте функционирует как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе». Очевидно, Маркс не выводит функцию средства обращения из функции меры стоимости.

Чтобы правильно понять мысль Маркса, мы должны обратить внимание на особенность его учения о функциях денег. Отдельными «функциями» или «определенностями формы» денег Маркс называет свойства денег, кото-

рые, будучи приобретены определенным товаром в результате длительного исторического развития, срastaются с натуральной формой этого товара и делаются как бы «некоторым от природы присущим ему общественным свойством». Золото уже вступает в меновой оборот с определенными присущими ему функциями меры стоимости и средства обращения, которые таким образом кажутся вытекающими не из природы менового оборота, т. е. общественных производственных отношений товаровладельцев, а из естественной природы самого золота. Маркс ставит себе задачей показать, что эти как бы «вещные» свойства золота являются не более, как «овеществленными» или «кристаллизованными», т. е. прикрепленными к золоту, результатами производственных отношений людей, а именно многократно повторявшихся общественных действий товаровладельцев в процессе взаимного всестороннего обмена продуктов разных видов труда через посредство золота. Маркс хочет вскрыть это «посредствующее движение» (общественные действия товаровладельцев. — *II. P.*), которое «исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа», заметного в вещных функциях денег.

Изложенным объясняется особенность метода Маркса, отличающая его учение о функциях денег: вместо того, чтобы выводить одну вещную функцию денег из другой, он ставит себе целью вывести обе эти функции из многократно повторявшихся общественных действий и отношений товаровладельцев. Процесс этот Маркс рисует следующим образом. «Оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные продукты на различные другие продукты и приравнивают их друг к другу, никогда не может совершаться таким способом, чтобы при этом различные товары различных товаровладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости». Этот товар играет роль денег, но только в пределах того менового отношения, в котором он фигурирует как эквивалент. Эту свою временную эквивалентную форму он теряет немедленно же после прекращения указанного менового отношения людей, т. е. «мимолетного общественно-го контакта (соприкосновения), который вызвал ее к жизни». Уже в этой своей зачаточной форме денег указанный товар выполняет одновременно, в зачаточной же форме, как функцию меры стоимости, так и функцию средства обращения. Как указывает Маркс, другие товары «обмениваются» на этот третий товар и «приравниваются» ему как стоимости. В действительности, однако, этот товар выполняет эту роль эквивалента только временно, в пределах данного менового отношения. Многократное повторение таких меновых актов, в которых товары обмениваются на один и тот же третий товар и приравниваются ему как стоимости, выделяет этот товар из среды других и закрепляет за ним постоянный характер эквивалента или денег. Отныне этот товар, например золото, «обладает, по-видимому, своей эквивалентной формой независимо от этого отношения», т. е. от тех или иных отдельных меновых актов. В каждый меновой акт золото уже вступает с закрепленным за ним, «кристаллизованным» в нем характером денег. Только с этого момента появляется вещная категория денег с присущими ей постоянными функциями: меры стоимости и средства обращения.

Таким образом, развитие обеих основных функций денег происходит параллельно, в одном и том же общественном процессе. В течение долгого времени золото, не являясь еще постоянным носителем этих функций, выполняет их в ряде отдельных меновых актов. С постепенным внедрением золота в оборот все чаще продукты труда начинают расцениваться в золоте и, обратно, постепенное распространение расценок в золоте укрепляет положение последнего как средства обращения. Обе эти стороны процесса генезиса и развития денег тесно друг с другом связаны и друг друга поддерживают. Конечным результатом этого длительного процесса является «фиксация» или «кристаллизация» в золоте обеих основных функций денег, так как и до этого момента золото многократно, хотя спорадически и с перерывами, уже выполняло как роль товара, на который другие «обмениваются» (т. е. средства обращения), так и роль товара, которому они «приравниваются» (т. е. меры стоимости). Именно в этом подготовительном общественном процессе и надо искать корни обеих основных функций денег, а не выводить одну функцию из другой. Именно поэтому Маркс при анализе обеих этих функций старается прежде всего показать, каким образом каждая из них, являясь на первый взгляд, как бы присущим самому золоту свойством, на самом деле служит отражением совокупного общественного процесса обмена товаров.

Только игнорированием подготовительного процесса развития денег можно объяснить односторонние теории, пытающиеся вывести одну функцию денег из другой. В самом деле, можно ли предположить, что золото уже стало всеобщим средством обращения и только после этого приобретает свойство меры стоимости? Ведь прежде чем приобрести постоянно закрепленное за ним свойство всеобщего средства обращения, оно уже фигурировало в бесчисленных меновых сделках, выполняя одновременно роль материала, в котором расцениваются обмениваемые товары. И обратно, можно ли представить себе, что только после того, как золото стало общераспространенной мерой стоимости, оно внедрилось действительно в оборот? Ведь это значило бы думать, что кто-то заранее произвел генеральную расценку в золоте всех продуктов труда и даже имущества всех товаровладельцев, а после этого пустил действительное золото в оборот.

То обстоятельство, что в результате длительного процесса развития за золотом закрепляются обе указанные функции, не мешает тому, что в ходе дальнейшего развития появляются обстоятельства, вызывающие обособление функции средства обращения, которая начинает выполняться наряду с золотом или вместо золота другими металлическими (серебряными, медными) или бумажными деньгами.

Что такое мера стоимости?

В чем именно заключается функция денег в качестве меры стоимости, — на этот вопрос экономисты дают самые различные, иногда весьма неясные, ответы. В большинстве своем эти ответы страдают индивидуалистически-рационалистическим подходом к вопросу. Экономист спрашивает, для чего нужна индивидууму, участвующему в товарном обмене, мера стоимости товаров. Найдя тот или иной ответ, т. е. указавши ту пользу или удобство, которые индивидуум может извлечь из употребления при обмене всеобщей меры стоимости, экономист считает уже выясненной социальную природу последней, хотя при этом он подчас даже еще не подошел к рассмотрению реальных экономических явлений, всецело ограничив свое внимание анализом рационалистических доводов, доказывающих пользу применения меры стоимости.

2. Субъективная теория

У сторонников теории субъективной ценности можно иногда найти, в прямой или скрытой форме, представление, будто мера стоимости необходима для измерения (или сравнения) предельной полезности разных продуктов. Ведь, по их мнению, меновой акт является результатом психологического акта измерения (или сравнения) предельной полезности обмениваемых товаров. Для того чтобы участник обмена мог легче определить субъективную предельную пользу разных продуктов, ему необходимо иметь определенную единицу измерения. За такую единицу принимается предельная польза единицы золота, как предмета роскоши, служащего удовлетворению определенных потребностей и потому обладающего известной полезностью.

Изложенное представление так резко расходится с реальной действительностью, что даже большинство сторонников теории субъективной ценности не считает возможным такое прямолинейное приложение ее к явлениям обмена товара на деньги. Оставляя в стороне общий вопрос о том, может ли объективный акт приравнивания товаров быть объяснен из субъективных оценок участников обмена, нет сомнения, что при обмене товара на деньги факт субъективной оценки предельной пользы денежного материала (золота) вообще не имеет места в действительности. «Если он (участник обмена. — И. Р.) хочет употребить платежные средства циркулярно (т. е. для целей обращения. — И. Р.), то его интересует только их значимость, являющаяся юридическим свойством; вид и количество вещества для него безразличны». Кнапп, конечно, ошибается, подставляя юридическую значимость денег на место их «экономической» значимости, т. е. объективной покупательной силы. Но он и сторонники его безусловно правы, отрицая факт субъективной оценки участниками обмена полезности денежного материала. Напрасно только экономисты, разделяющие в данном отношении взгляд Кнаппа, обвиняют всех своих противников, огульно объединяя их под кличкой «металлистов», в том, что они основой стоимости денег признают стоимость денежного материала как «средства удовлетворения каких-нибудь потребностей и предмета субъективных оценок». В марксистской теории денежный материал играет роль (поскольку речь идет о развитом товарном обществе, а не о зачаточных формах денег) не как предмет субъективных оценок, а как продукт определенного количества труда.

3. Субъективная трудовая стоимость

Однако и это общепринятое в марксистской теории положение не всеми понимается в одинаковом смысле. Нередко теория стоимости Маркса понимается в таком смысле, будто товаровладельцы в акте обмена приравнивают друг другу два разных товара на том основании, что они признают их продуктами равных количеств абстрактного труда. Такое субъективно-индивидуалистическое понимание теории трудовой стоимости приводит к такому же пониманию теории денег. Деньги служат для товаровладельцев как бы инструментом для констатирования и измерения количеств абстрактного труда, заключенного в товарах. В ослабленной форме мы встречаем такой взгляд у И. А. Трахтенберга: «При каждом акте обмена необходимо качественно противопоставлять продукты и количественно их соизмерить. Количественно их соизмерить — значит **определить количество** воплощенного в каждом товаре абстрактного, отвлеченного от всех его конкретных свойств, общественно необходимого труда. Для того же, чтобы определить это количество, необходимо иметь нечто, которое бы явилось **чистым воплощением абстрактного труда**, через посредство которого можно было бы приравнивать товары друг другу, количественно соизмерять воплощенный в каждом товаре абстрактный человеческий труд». По-видимому, И. А. Трахтенберга интересует объективная, а не субъективная сторона этого процесса, но способ его изложения дает повод понимать его в субъективно-индивидуалистическом смысле. В действительности не потому товары приравниваются друг другу, что товаровладельцы субъективно приравнивают друг другу свой труд, а объективный процесс уравнивания разных видов труда происходит в результате и через посредство уравнивания товаров как стоимостей на рынке. Субъективно товаровладельцы констатированием количеств абстрактного труда в товарах не занимаются. Не потому товары приравниваются золоту, что последнее является «чистым воплощением абстрактного труда», а, наоборот, золото является воплощением абстрактного труда потому, что все товары ему приравниваются.

4. Равновесие через цены

Как в теории стоимости, так и в теории денег мы должны устранить из понятия «меры стоимости» субъективно-индивидуалистические элементы и представить себе весь процесс с его объективной стороны. В товарном хозяйстве распределение общественного труда между разными отраслями производства происходит стихийным путем,

посредством расширения производства в более выгодных и сокращения его в менее выгодных отраслях производства. Равновесие между отдельными отраслями производства может устанавливаться в условиях простого товарного хозяйства только при условии обмена их продуктов пропорционально труду, общественно необходимому для их производства. Состоянию равновесия между двумя данными отраслями производства соответствует определенная, нормальная пропорция обмена между их продуктами, соответствующая трудовым стоимостям последних. Отклонения фактических пропорций рыночного обмена этих продуктов вверх или вниз от указанной нормальной пропорции вызывают перераспределение труда между двумя данными отраслями производства, отлив труда из одной в другую.

Такова общая схема равновесия товарного хозяйства, поскольку мы имеем в виду процесс непосредственного уравнивания на рынке продуктов двух разных отраслей производства, между которыми таким образом непосредственно устанавливается известное состояние равновесия. Но по мере выделения стихийным путем в процессе обмена одного специфического товара (золота), на который все другие товары чаще всего обмениваются и которому они приравниваются, развитая нами выше схема равновесия приобретает иной, более сложный вид. Прямой обмен двух товаров уступает место непрямому, денежному обмену через посредство третьего товара, золота. Продукты двух разных отраслей производства приравниваются теперь друг другу косвенно, через приравнение каждого из них одному и тому же третьему товару, золоту. А так как в товарном хозяйстве процесс рыночного уравнивания продуктов труда как стоимостей тесно связан с процессом распределения труда между соответствующими отраслями производства, то эволюция первого процесса от прямого обмена к денежному неизбежно сопровождается коренными изменениями и в процессе распределения общественного труда.

Мы оставляем здесь в стороне вызываемые развитием денежного хозяйства изменения материального характера, т. е. переход отдельных хозяйств под воздействием все более развивающегося денежного обмена к другому рода занятиям или видам труда (например, переход от одних земледельческих культур к другим, вытеснение домашнего промышленного производства при расширении торгового земледелия, сокращение сельского хозяйства за счет промышленности и т. п.). Нас интересуют здесь только изменения формального характера, т. е. **изменения самой социальной формы процесса, устанавливающего равновесие в распределении общественного труда между разными отраслями производства.** Отныне, с развитием денежного обмена, переливы труда из одних отраслей в другие регулируются движением денежных цен на их продукты, т. е. количеством денег, которое можно выручить от продажи их на рынке. Распределение общественного труда между отраслями **А** и **В** зависит теперь непосредственно не от изменения пропорций взаимного обмена их продуктов, а от изменения пропорций обмена каждого из них на золото, т. е. от их цены. Равновесие в распределении труда между отраслью **А**, с одной стороны, и всеми другими отраслями производства, с другой, устанавливается при определенной цене продуктов **А**, соответствующей их трудовой стоимости. При понижении их рыночной цены ниже этой нормальной цены, производство в отрасли **А** сокращается, т. е. происходит перераспределение производительных сил из отрасли **А** в более выгодные отрасли. Обратное происходит при повышении рыночной цены выше указанной нормальной цены. Иначе говоря, производители продуктов еще до продажи последних на рынке уже производят в уме расценку их в золоте, т. е. рассчитывают на выручку определенной продажной цены, при наличии которой они будут продолжать производство данных продуктов в прежнем размере. Всякое отклонение рыночных цен вверх или вниз от этой ожидаемой цены вызовет сокращение или расширение производства в данной отрасли. Таким образом, ожидаемая нормальная цена или нормальная расценка продукта является регулятором распределения труда между данной отраслью производства и другими. Она соответствует состоянию равновесия между ними, а так как последнее наступает при обмене продуктов разных видов труда по их стоимостям, то, следовательно, предварительная расценка продуктов является выражением их стоимости, и деньги в этом акте расценки выполняют функцию меры стоимости.

5. Изолированная расценка

Рассмотрим теперь подробнее этот акт расценки товара, предшествующий его продаже, в том виде, как он происходит в реальной действительности. Производитель сукна заранее расценивает аршин сукна в 3 рубля, т. е. приравнивает его определенному количеству золота. Этот акт можно рассматривать либо со стороны объекта обмена (вещи), либо со стороны его субъекта (человека). В первом случае перед нами определенная меновая пропорция вещей, их равенство друг другу, на первый взгляд вытекающее из их свойств. Нам кажется, что аршин сукна обладает особой способностью обмениваться на 3 рубля; «добыть себе форму стоимости является, так сказать, частным делом единичного товара, и он выполняет это дело без содействия остальных товаров» (Капитал I, с. 33). Перед нами обособленный акт равенства двух вещей. Со стороны субъекта обмена тот же акт представляется нам как известная субъективная расценка сукна, исходящая из тех или иных мотивов и приравнивающая один продукт другому с точки зрения значения, приписываемого им субъектом. Перед нами обособленный акт субъективно-психологического характера. В обоих случаях акт расценки выступает, как обособленный, изолированный акт, касающийся только данного индивидуума и данных двух товаров. Этот кажущийся изолированный характер расценки товара объясняется тем, что последняя на первый взгляд выступает в «единичной форме стоимости», как акт равенства только двух товаров. Но если один из этих товаров (золото) является уже всеобщим эквивалентом, которому приравниваются и с которым обмениваются все другие товары, то на самом деле перед нами уже не

единичная, а всеобщая форма стоимости, не индивидуальный акт расценки, а акт социального характера.

Социальный характер акта расценки [запись на полях: «Ее социальный характер»] проявляется прежде всего в том, что он предполагает как данные определенные социальные условия. Последние относятся как к **социальной форме** процесса производства и обмена, так и к его **технической стороне**. Данный акт расценки аршина сукна в 3 рубля предполагает, что: 1) все товаропроизводители расценивают свои продукты в золоте, т. е. придают своим меновым стоимостям форму цены, и 2) производительность труда в суконной промышленности находится на таком уровне, при котором продажа сукна по цене 3 рубля за аршин соответствует состоянию равновесия между суконной промышленностью и другими отраслями производства. Первое условие, выражающее определенную социальную форму процесса воспроизводства (включающего производство и обмен), делает возможным акт расценки с его качественной стороны. Второе условие, выражающее определенное состояние техники производства, делает возможным тот же акт расценки с его количественной стороны.

6. Качественная сторона

В акте расценки «следует отличать моменты качественный и количественный». Остановимся сперва на первом. С качественной стороны акт расценки означает приравнение одного конкретного товара (сукна) другому конкретному товару (золоту), в свою очередь уже уравненному со всеми другими товарами и потому получившему характер абстрактного товара, т. е. товара, могущего принять вид любой потребительной стоимости. Приравниваясь золоту, сукно приравнивается всем другим товарам, приобретает способность обмениваться на любой другой товар. Тем самым конкретный труд производителя сукна уравнивается со всеми другими видами труда. Потребительная стоимость превращается в меновую стоимость, а частный и конкретный труд — в общественный и абстрактный. Акт расценки означает качественное изменение (пока еще только ожидаемое, идеальное) социальной природы как продукта труда, так и самого труда.

Однако такое изменение социальной природы сукна посредством приравнивания его золоту уже предполагает различие их социальной природы, т. е. уже предполагает коллективные действия всех товаропроизводителей, заключающиеся в том, что они обменивают все свои продукты на золото и тем сообщают последнему характер всеобщего эквивалента, или денег. Через посредство своего приравнивания золоту сукно может быть оценено, т. е. может получить цену, выражающую его меновую стоимость, только при том условии, если и все другие товары расцениваются в золоте. «Мерой стоимости золото делается только потому, что все товары измеряют в нем свою меновую стоимость». «Если бы все товары всесторонним образом измеряли свои стоимости в серебре, пшенице или меди и, следовательно, представляли свои стоимости как цены в серебре, пшенице или меди, то серебро, пшеница или медь сделались бы мерой стоимости и тем самым всеобщим эквивалентом». Без такого «всестороннего действия всех других товаров», т. е. коллективных действий всех товаропроизводителей, невозможен данный акт оценки сукна, поскольку этим актом сукно через посредство золота приравнивается всем другим товарам, т. е. поскольку золото в данном случае выполняет роль денег. «Всеобщая форма стоимости возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому» (Капитал I, с. 33–34). Последние слова Маркса еще сильнее подчеркивают зависимость акта расценки данного производителя от действий всех других товаропроизводителей. Данный производитель может расценивать продукт свой в золоте как деньгах (а не как конкретном продукте) только при том условии, если одновременно то же самое делают и все другие товаропроизводители. И обратно: при наличии последнего условия наш товаропроизводитель вынужден также оценивать продукт свой в золоте и в зависимости от колебаний рыночных цен этого продукта в золоте расширять или сокращать свое производство.

7. Количественная сторона

От качественной стороны акта расценки перейдем к его количественной стороне. Не только сукно приравнивается вообще золоту как всеобщему эквиваленту, но определенное количество сукна, 1 аршин, приравнивается определенному количеству золота, 3 рублям. Золото является уже не только всеобщим эквивалентом, но и мерой стоимости. [Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом] Расценка аршина сукна в 3 рубля не означает, что производитель его ни при каких обстоятельствах не согласится продать данный аршин сукна дешевле; при плохой рыночной конъюнктуре он вынужден будет это сделать. С другой стороны, она не означает, что производитель сукна не хотел бы получить за него дороже; при благоприятной конъюнктуре он постарается поднять его цену. Наконец, расценка сукна не означает также, что в ней производитель дает итог своих субъективных оценок полезности аршина сукна, с одной стороны, и определенного количества золота, с другой. Расценка аршина сукна в 3 рубля означает предварительное, мысленное констатирование той пропорции обмена, при наличии которой производитель захочет и сможет продолжать воспроизводство сукна в прежних размерах. Эта предварительная расценка или нормальная калькуляция товара является мысленным предвосхищением условий рыночной конъюнктуры, соответствующих состоянию равновесия в общественном хозяйстве, и служит для отдельного производителя регулятором, с которым он соображает свою хозяйственную деятельность. Отклонения рыночных цен

вверх или вниз от этой нормальной калькуляции побуждают его расширять или сокращать производство.

8. Непрерывность ценообразования

Способность товаропроизводителя своей калькуляцией предвосхищать условия равновесия общественного хозяйства объясняется тем, что сама эта калькуляция является уже результатом и отражением длительного стихийного процесса взаимодействия и взаимоприспособления всех отраслей производства, между которыми в конечном счете путем многочисленных трений и нарушений все же устанавливается относительное состояние равновесия. Это равновесие соответствует определенному состоянию производительных сил в разных отраслях производства и поддерживается (при постоянных отклонениях) механизмом колебаний рыночных цен вокруг среднего уровня, соответствующего в условиях простого товарного хозяйства трудовым стоимостям отдельных продуктов. Результатом этого процесса взаимоприспособления всех отраслей производства является определенная средняя расценка их продуктов, которая в калькуляции производителя превращается в мысленную антиципацию (предвосхищение) будущего состояния равновесия между указанными отраслями производства.

При данном состоянии производительности труда в суконной промышленности, как раз при цене в 3 рубля за аршин, соответствующей трудовой стоимости сукна, устанавливалось (в виде тенденции) равновесие между данной отраслью производства и другими. Средняя цена в 3 рубля, этот итог и осадок длительного процесса конкуренции, уже фиксирована за аршином сукна как его нормальная расценка. Эта точно фиксированная цена в 3 рубля и служит исходным пунктом для производителя в процессе калькуляции товара. В случае изменения условий производства, например, вздорожания сырья, удешевления производства в результате технических усовершенствований и т. п., в эту цифру вносятся, конечно, поправки и изменения. Но производитель, во всяком случае, имеет для своей калькуляции исходный пункт, в котором уже подытожен общественный процесс конкуренции и объективно учтено состояние производительных сил в данной отрасли. Производителю нет никакой надобности при каждом новом процессе производства начинать все расчеты сначала и заниматься субъективным учетом производительности труда и трудовой стоимости продуктов (в непонимании этого заключается ошибка теории субъективной трудовой ценности). Он уже исходит из определенных цен, а именно из данных цен на сырье, машины и проч. (т. е. издержки производства), с одной стороны, и предположительной, ожидаемой цены продукта, с другой. Маркс несколько не думал отрицать, что каждое данное состояние цен возникает на основе предшествующего состояния цен, он не утверждал, что при каждом новом процессе производства расценка заново выводится из трудовой стоимости продуктов. Но, конечно, нельзя, как то делает теория издержек производства, это констатирование факта непрерывности изменений цен и связанности отдельных фаз процесса ценообразования принимать за причинное его объяснение. Необходимо еще открыть причины, регулирующие как относительные размеры средних цен разных товаров, так, в особенности, их движение, т. е. процесс их изменений. Найти эти причины и составляет задачу теории стоимости.

Итак, количественная сторона акта расценки также оказывается зависимой от социальных условий. Зависимость эта проявляется в том, что: 1) расценка является не выражением субъективных оценок производителя, а объективного состояния производительных сил; 2) это состояние производительных сил подытоживается в виде расценки или калькуляции товаров не силами одного данного товаропроизводителя, а коллективными действиями всех товаропроизводителей, результат которых служит исходным пунктом для акта расценки данного производителя. Иначе говоря, изменение производительных сил не учитывается непосредственно сознанием товаропроизводителя в виде соответствующего изменения субъективной стоимости, но вызывает ряд коллективных действий товаропроизводителей (сокращение и расширение производства, переход из одной отрасли производства в другую и т. п.), результат которых объективируется или «кристаллизуется» в виде социальных свойств вещей, например, в виде определенных средних цен, которые, в свою очередь, уже констатируются и учитываются сознанием отдельного товаропроизводителя и служат для него исходной точкой калькуляции. Таким образом, зависимость акта расценки товара от предшествующего состояния цен выражает собой не что иное, как зависимость действий отдельного производителя от социальных условий.

9. Непрерывность воспроизводства

Описанная непрерывность процесса ценообразования отражает непрерывность процесса воспроизводства. Данный процесс производства повторяет прежний. Он начинается не на чистом месте, а уже имеет своими предпосылками результаты прежнего производства, фиксированные в виде определенных цен. Хотя общественные отношения связывают товаропроизводителей непосредственно только в акте рыночного обмена и по прекращении его прерываются, но результатом их является закрепленный за продуктами труда определенный социальный характер, например, определенные средние цены. После того, как товаропроизводитель купил на рынке сырье, машины и проч. и пустил их в процесс производства, они перестали быть товарами и превратились в элементы производства, но это еще не значит, что та социальная форма, которую эти товары приобрели в процессе обмена (определенная меновая стоимость или цена), бесследно исчезла по прекращении последнего. Наоборот, она закрепилась, кристаллизовалась в этих вещах как социальное свойство, будто бы присущее им самим и сохраняемое

ими по прекращении того производственного отношения купли-продажи, в котором они фигурировали на рынке. Хлопок, перешедший с рынка в мастерскую прядильщика, не перестает рассматриваться последним как вещь, имеющая определенную цену. В своих технических операциях над хлопком он ни на минуту не должен забывать о цене этого вида сырья. Таким образом, установленные в процессе обмена цены продолжают свое действие в следующем за ним процессе производства. С другой стороны, так как за данным процессом производства должен последовать опять процесс обмена, то перспективы будущей реализации продукта уже учитываются, калькулируются, принимаются во внимание в самом процессе производства. Продукт, еще находясь в процессе производства и не будучи еще товаром, уже имеет антиципированную цену, выражающуюся, как мы подробно изложили выше, в его расценке или нормальной калькуляции.

Итак, если в теории стоимости мы говорили, что в непосредственном процессе производства данный товаропроизводитель действует независимо от других товаропроизводителей (анархия товарного производства), с которыми он связывается только в процессе обмена, это положение было правильно, поскольку речь шла о процессе производства и процессе обмена, рассматриваемых каждый в отдельности, с абстрактной точки зрения. В реальной действительности, однако, данный процесс производства является лишь одной из повторяющихся фаз непрерывного общественного процесса воспроизводства, фазой, которой предшествовал и за которой последует акт обмена. Благодаря этому густая сеть социальных связей, плотно охватывающая производителя в процессе обмена на рынке, не разрывается во время промежуточного периода производства, а продолжает в нем свое действие, как результат предыдущего и как антиципация предстоящего процесса обмена. Эта сеть социальных связей своими отростками прошлого и завязями будущего охватывает процесс производства, устанавливая тем самым непрерывность социальных связей людей и социальной формы вещей в течение всего процесса воспроизводства. Товаропроизводитель, действуя в своей мастерской формально автономно и независимо от других товаропроизводителей, на самом деле ни на минуту не вырывается из этой густой сети социальных связей, соединяющих его с ними и определяющих его хозяйственную деятельность. Точно так же и находящиеся в его мастерской средства производства и постепенно созревающий из них готовый продукт ни на минуту не могут быть рассматриваемы как чисто технические элементы производства, лишенные социальной формы. Удаленные в тишь мастерской и поглощаемые техническим процессом производства, они в данный момент не являются активными носителями производственных отношений между людьми, но от этого не теряют своего характера носителей прошлых и будущих производственных отношений. Они сохраняют печать своего социального происхождения и предназначения. В этом заключается основной социологический смысл учения Маркса о мере стоимости, которое представляет собой не что иное, как учение о **расценке продукта труда в процессе производства, предшествующем акту обмена.**

10. Расценка до обращения

Маркс усиленно подчеркивает, что акт расценки товара в деньгах имеет место еще до вступления последнего в процесс обмена, — не в том смысле, что в самом акте обмена покупатель, прежде чем заплатить деньги, должен по обоюдному согласию с продавцом установить цену товара, а в смысле описанной выше нормальной калькуляции или расценки продукта, проявляющей свое действие в самом процессе производства. Фиксация пропорции обмена с формального обоюдного согласия продавца и покупателя (фактически она может исходить односторонне от продавца или покупателя) имеет место не только при регулярном, но и при случайном обмене двух товаров, не только при денежном, но и при натуральном обмене. Иное дело та расценка продукта, которая предшествует самому акту обмена, которая складывается еще в процессе производства и антиципирует те условия, при которых может продолжаться нормальное воспроизводство и может сохраниться равновесие между данной отраслью производства и другими. Именно этот акт предварительной расценки продукта составляет неперемнную принадлежность товарного производства. Последнее характеризуется не тем, что продукты труда продаются, а тем, что они уже производятся с целью продажи. При случайном обмене продукт труда приобретает мимолетную форму объекта обмена (товара) лишь в самый момент обмена, не являясь товаром или меновой стоимостью ни до, ни после акта обмена. В этом случае «вещи **А** и **В** не являются товарами до обмена, а становятся ими лишь благодаря обмену». Это значит, что мы еще не имеем товарного производства как определенной устойчивой системы производственных отношений людей и соответствующей ему вещной категории стоимости как устойчивой социальной формы вещей. Товарное производство развивается лишь по мере того, как продукты труда «начинают производиться **преднамеренно для обмена**». Раз продукты производятся «специально для обмена», то «характер вещей как стоимостей принимается во внимание уже **при самом их производстве**». А это проявляется именно в том, что в самом процессе производства продукту дается определенная расценка, основанная на предшествовавшем процессе обмена с присущими ему явлениями ценообразования и антиципирующая ценообразование будущего процесса обмена.

Раз продукт получает предварительную расценку уже в самом процессе производства, то, следовательно, в процесс обмена он вступает, обладая уже определенной меновой стоимостью и соответствующей ей ценой. Маркс усиленно подчеркивает это обстоятельство. «Товары вступают в меновой процесс с определенными ценами» как «потребительные стоимости с определенными ценами». Маркс называет нелепой гипотезу, согласно которой «товары вступают в процесс обращения без цены». Обычно эти настойчивые указания Маркса понимали в том смысле,

что, так как в процессе производства на изготовление продукта уже затрачено известное количество общественно необходимого труда, то, следовательно, стоимость продукта определяется не условиями рыночного обмена, а техническими условиями, характеризующими производственный процесс и предшествующими акту обмена. Однако такое понимание суживает мысль Маркса. Маркс утверждал, что в самом процессе производства мы имеем уже в готовом виде не только известные технические условия, но и определенную социальную форму производства (производство с целью продажи, или товарное хозяйство). Поэтому и продукт труда является уже в самом процессе производства не только результатом определенной трудовой затраты, но и вещью с определенной социальной формой, а именно товаром, получившим известную расценку в деньгах. Учение Маркса о функции меры стоимости, выполняемой деньгами еще до процесса обращения, становится нам вполне понятным только в связи с его учением о том, что «характер вещей как стоимостей принимается во внимание уже при самом их производстве», что поэтому продукт труда получает известную расценку уже в самом процессе производства и вступает в процесс обращения с определенной ценой. А чтобы понять эту возможность расценки продукта труда еще до акта обмена, мы должны вспомнить, что данному процессу производства уже предшествовал процесс обмена, результаты которого в виде определенных социальных свойств вещей или системы цен разных товаров служили в свою очередь предпосылками данного процесса производства.

11. Идеальный характер расценки

Раз акт расценки товара имеет место еще до вступления последнего в обмен, то, следовательно, этот акт носит идеальный характер, и «свою функцию меры стоимостей деньги выполняют как мысленно представляемые, или идеальные, деньги». Предварительной расценкой товара устанавливается, так сказать, «цена равновесия» данного товара, т. е. тот уровень цены, который соответствует состоянию равновесия между данной отраслью производства и другими. А так как в товарном обществе с его анархией производства подобное состояние равновесия возможно лишь как идеальная средняя линия, от которой фактическое распределение общественного труда постоянно отклоняется вверх и вниз, то и предварительная расценка товара представляет собой лишь антиципацию его идеальной средней цены, от которой фактические цены постоянно отклоняются вверх и вниз. «Определение цены его (товара. — *И. Р.*) представляет собой лишь идеальное превращение его во всеобщий эквивалент, уравнивание его с золотом, которое еще подлежит реализации». Возможность реализации этой предварительной, идеальной расценки товара на рынке «зависит от того, окажется ли он или нет потребительной стоимостью, окажется ли содержащееся в нем количество рабочего времени временем общественно необходимым для производства».

Здесь перед нами выступает очень существенное отличие между ценой, т. е. меновой стоимостью товара, выраженной в деньгах, и той меновой стоимостью, которая изучалась нами в теории стоимости. В теории стоимости мы предполагали равновесие между отдельными отраслями производства, при котором продукты разных видов труда равны друг другу как стоимости, а тем самым равны друг другу и разные виды труда. Но в товарном хозяйстве такое уравнивание труда не является сознательной предпосылкой общественного процесса производства, а лишь результатом стихийного процесса конкуренции с неизбежно возникающими в нем неравенствами и диспропорциональностью в распределении труда. Эта особенность товарного хозяйства и отражается в расценке товара в деньгах, которая свидетельствует о том, что уравнивание данного товара со всеми другими товарами и, следовательно, данного вида труда со всеми другими видами труда еще не является фактом совершившимся, а лишь подлежит реализации в будущем. [Конец данного предложение отчеркнут на полях со знаком вопроса] Уравнивание данного товара со всеми другими возможно только через уравнивание его с золотом. Но золото именно благодаря тому, что все товары уравниваются через его посредство (т. е. что все товаропроизводители обменивают свои продукты на золото), обладает особой социальной формой денег, не свойственной всем другим товарам. Эта специфическая особенность выделенного товара или денег заключается в том, что он может быть всегда обменен на любой конкретный товар, который со своей стороны не всегда может быть обменен на золото. Расценка аршина сукна в 3 рубля означает, что за 3 рубля можно в любой момент получить аршин сукна, но не означает, наоборот, что аршин сукна можно в любой момент обменять на 3 рубля. Значит, расценка товара в золоте содержит в себе как момент их равенства (приравнивание товара золоту), так и момент неравенства (отличие социальной формы денег от социальной формы товара). Иначе говоря, уравнивание данного товара со всеми другими еще не осуществилось, а зависит от того, произойдет ли действительно на рынке уравнивание его с неравным ему по своей социальной форме золотом. Поэтому в расценке товара выражается «необходимость отчуждения товара за звонкое золото и возможность того, что такое отчуждение не состоится, словом, содержится в скрытом виде все противоречие, проистекающее от того, что продукт есть товар, или что особенный труд частного лица для того, чтобы приобрести общественное действие, должен быть представлен как его непосредственная противоположность, как абстрактно-всеобщий труд». Акт расценки товара обнаруживает свой идеальный характер не только в том, что он, как мысленно представляемый акт, предшествует процессу обмена, но и в том, что реализация его в последнем совершается всегда лишь более или менее приблизительно, с отклонениями рыночных цен от расценки вверх или вниз. «Возможность количественного несовпадения между ценой и величиной стоимости, или возможность отклонения цены от величины стоимости, заключена уже в самой форме цены».

VII. Средство обращения

От идеального акта расценки товара, предшествующего процессу обращения, Маркс переходит к последнему. Только в действительном процессе обращения обнаруживается, в какой мере товар может быть реализован в соответствии с его предварительной расценкой, иначе говоря, в какой мере рыночная цена приближается к стоимости товара. Отклонения рыночной цены от стоимости будут тем больше, чем сильнее отклонилось фактическое распределение труда между отдельными отраслями производства от пропорционального распределения общественного труда. Десятичасовая затрата труда данного производителя может быть на рынке сведена к пятичасовому общественному труду, т. е. продукт его частного и конкретного десятичасового труда может быть продан на рынке по цене, соответствующей только пятичасовому общественному и абстрактному труду. Это может произойти либо потому, что в настоящий момент отсутствует общественная потребность (выражающаяся в платежеспособном спросе) в данном продукте, либо потому, что размеры производства данного продукта количественно превысили размеры наличной потребности в нем, либо потому, что данный производитель работает при отсталых технических условиях и его индивидуальная трудовая затрата превышает средний общественно необходимый труд.

При исследовании функции денег в качестве средства обращения Маркс пользуется тем же методом, как и при изучении функции денег в качестве меры стоимости. На первый взгляд нам казалось, что деньги сами по себе обладают свойством измерять стоимость товаров. Маркс показал, что такое свойство приобретено ими в результате длительного процесса всестороннего приравнивания всех товаров друг другу через посредство денег, т. е. в результате «всестороннего действия всех товаров», которое на деле представляет собой всестороннее действие всех товаропроизводителей. Тем же путем Маркс идет в анализе средства обращения. На первый взгляд деньги как бы сами по себе обладают свойством средства обращения: они покупают всякого рода товары, как бы собственной своей силой приводя их в движение. Это «вещное» свойство денег Маркс, однако, выводит из движения самих товаров, отражающего, в свою очередь, известные действия и взаимоотношения самих товаропроизводителей. В соответствии с этим Маркс прежде всего анализирует движение, или «метаморфоз товаров», и лишь после этого переходит к «обращению денег».

Приступая к анализу процесса обращения товаров, Маркс различает в нем две стороны: Stoffwechsel и Formwechsel — «обмен веществ» и «перемену форм». «Поскольку процесс обмена перемещает товары из рук, где они не являются потребительными стоимостями, в руки, где они являются потребительными стоимостями, постольку этот процесс есть общественный обмен веществ», т. е. движение материальных вещей. «Вещественный момент» этого процесса заключается в том, что: 1) прежде всего происходит реальный «обмен товара на золото», «простого товара на денежный товар», которые оба в виде определенных материальных вещей передвигаются в противоположных направлениях: товар из рук продавца в руки покупателя, золото из рук покупателя в руки продавца; 2) после этого то же противоположное движение товара и золота повторяется опять: бывший продавец отдает теперь свое золото и получает в обмен необходимые ему продукты. В итоге всего этого процесса «продукт одного полезного вида труда становится на место продукта другого полезного вида труда». «Со стороны своего материального содержания это движение представляет $T — T$, обмен товара на товар, обмен веществ общественного труда, в конечном результате которого погашается и самый процесс» (т. е. социальная сторона процесса).

Как видно из последних слов, материально-техническая сторона процесса обращения, заключающаяся в передвижении вещей (товаров и золота) из рук в руки, скрывает от нас его социальную форму, которая и составляет настоящий предмет изучения Маркса. Вещи интересуют Маркса лишь как «носители» производственных отношений людей, т. е. не со стороны их материально-технических свойств, а со стороны их социальной формы или социальных свойств, приобретаемых ими лишь при наличии определенных производственных отношений между людьми. Вещи, фигурирующие в процессе обращения и на первый взгляд отличающиеся только своими материальными свойствами (золото и прочие товары), на самом деле отличаются друг от друга своими социальными формами. Золото выступает в процессе обмена как продукт труда, уже уравненный со всеми другими товарами, могущий непосредственно обмениваться на любой другой товар и в силу этого выполняющий особую социальную функцию всеобщего эквивалента или выразителя абстрактно-общественного труда. Товар же противостоит золоту как продукт труда, еще не уравненный с другими продуктами, иначе говоря, как продукт труда частного и конкретного. Раз товар и золото отличаются различными социальными формами, то обмен товара на золото означает не только замену одной материальной вещи другой, но и перемену самой социальной формы вещей (Formwechsel). Вот именно это-то «изменение формы, или метаморфоз, товаров, обслуживающий общественный обмен веществ», и интересует Маркса, который ставит себе целью исследовать «весь процесс лишь со стороны формы», т. е. социальной формы, а не со стороны материальных свойств продуктов труда.

На этом, однако, Маркс остановиться не может. Ведь социальная форма вещей является отражением определенной социальной формы организации труда, т. е. определенных производственных отношений людей. Процесс обращения представляет собой не только **материальное движение вещей** (обмен веществ) и **изменение их социальной формы** (метаморфоз товаров), но и движение **производственных отношений** между отдельными товаропроизводителями, участниками обмена. Противопоставление социальной формы товара и денег отражает противопоставление различных социальных действий, выполняемых продавцом и покупателем. «Два противоположные превра-

щения товара осуществляются в двух противоположных общественных актах товаровладельца и отражаются в двух противоположных экономических функциях этого последнего. Как агент акта продажи, он продавец, как агент акта купли — покупатель». Как нам известно из теории товарного фетишизма, дифференциация производственного отношения между товаровладельцами, заключающаяся в том, что в акте обмена они выполняют противоположные роли (продавца и покупателя), находит «овеществленное» выражение в дифференциации социальной формы обмениваемых вещей (товар и деньги). Дифференциация продуктов труда на товар и деньги является результатом изменения производственных отношений между товаровладельцами и вытеснения натурального обмена. Но после того, как изменившиеся отношения обмена фиксировались или «овеществились» в виде денежной функции выделенного товара (золота), наличие последнего в руках у данного товаровладельца тем самым определяет роль его в акте обмена в качестве покупателя; как, наоборот, наличие у товаровладельца других товаров, кроме выделенного (т. е. простых товаров), предопределяет положение его в данном акте обмена в качестве продавца. Итак, если социальные формы товара и денег являются результатом определенной структуры хозяйства и производственных отношений людей, то, с другой стороны, положение индивидуума в данном конкретном акте обмена определяется социальной формой принадлежащей ему вещи. «В процессе обращения товаровладельцы противостоят друг другу в противоположной форме покупателя и продавца, один из них — как персонифицированная сахарная голова, а другой — как персонифицированное золото. Как только сахарная голова становится золотом, продавец становится покупателем». Изменение «социального характера» товаровладельцев происходит параллельно с изменением социальной формы вещей. Для понимания последнего процесса необходимо выяснить характерные особенности первого.

Не приходится поэтому удивляться, что в данном случае, как и в остальных частях своей системы, Маркс усиленное свое внимание направил на исследование того типа производственных отношений людей, который придает особую форму денежному обращению. Такой анализ производственных отношений людей мы находим в известном учении Маркса о кругообороте $T — D — T$.

Исследователь, который начнет свой анализ с внешних явлений денежного обращения, увидит в последнем не более, как «массу случайно протекающих рядом друг с другом актов купли и продажи». Каждый из этих актов ничем абсолютно не отличается от другого, представляя собой обмен товара на деньги. Тот же самый акт, который со стороны продавца представляет продажу, $T — D$, со стороны покупателя является покупкой $D — T$. Деньги в каждом из этих актов играют роль покупательного средства, которое реализует подряд цены разных товаров, которые сами по себе представляются как бы неподвижными. После того, как за данный рубль был куплен товар T , бывший продавец последнего за тот же рубль покупает другой товар T_2 , бывший владелец последнего за тот же рубль опять покупает T_3 и т. д. Все эти акты обмена разрозненны и ничем между собой не связаны. В каждом из них фигурирует новый товар, с прежним не имеющий ничего общего. Каждый товар продается только один раз, т. е. однократно обменивается на деньги и сразу же переходит в сферу потребления покупателя. Весь процесс обмена представляется в виде хаотической массы случайно сосуществующих рядом или следующих друг за другом актов купли-продажи, ничем между собой не связанных.

Чтобы найти закономерность в этом кажущемся хаосе, мы должны от денег и товаров самих по себе перенести центр нашего внимания на товаропроизводителя. «Моменты товарного метаморфоза представляют в то же время сделки товаровладельца, — продажу, обмен товара на деньги; куплю, обмен денег на товар, и единство обоих этих актов: продажу ради купли». Как только мы берем исходным пунктом нашего исследования товаропроизводителя, акты обмена немедленно же располагаются в определенной, закономерной, необходимой последовательности. Действия каждого товаропроизводителя должны следовать в определенном порядке: сперва продажа $T — D$, а потом покупка $D — T$, причем продажа совершается именно с целью получить возможность сделать покупку, иначе говоря, закономерное следование одного акта за другим вытекает из внутренней связи между ними. А эта внутренняя связь в свою очередь определяется основным характером товарного хозяйства.

Раз товаропроизводители связаны между собой общественным разделением труда и производят товары для рынка, за процессом производства необходимо должен следовать процесс обращения. Только последний дает возможность товаропроизводителю получить вместо изготовленных им товаров, ему самому не нужных, «другие необходимые ему средства существования и средства производства». Пока он не получит последних, он не может возобновить процесса производства, не имея необходимых для этого средств производства, истраченных им в предшествующем периоде производства, и средств существования для прокормления себя и своей семьи в течение следующего периода производства. Но для того чтобы иметь возможность присвоить себе по своему выбору необходимые средства производства и существования, он должен предварительно превратить изготовленные им товары в деньги, т. е. продать их на рынке. «Общественное разделение труда делает труд последнего (товаропроизводителя. — *И. Р.*) столь же односторонним, сколь разносторонни его потребности. Именно поэтому его продукт представляет для него лишь меновую стоимость. Всеобщую, общественно значимую эквивалентную форму он получает лишь в деньгах, но деньги находятся в чуждом кармане». «Человек, который произвел, не имеет свободного выбора продавать или не продавать. Он **должен** продать». Значит, необходимым завершением процесса производства является акт продажи товара, а для того чтобы получить возможность начать новый процесс производства, товаропроизводитель после акта продажи своего товара необходимо должен выступить в роли покупателя соответ-

ствующих средств производства и существования. Процесс обращения, в виде закономерного чередования двух актов ($T — D$ и $D — T$), является необходимым промежуточным звеном между двумя процессами производства, завершая первый и подготавливая второй. Процесс обращения входит как часть в общий процесс воспроизводства, и закономерный ход последнего предполагает закономерное течение первого. Самый механизм товарного хозяйства необходимо придает всему процессу воспроизводства, независимо от воли отдельных индивидуумов, следующий вид: 1) процесс производства; 2) процесс обращения: а) продажа $T — D$ и б) покупка $D — T$; 3) процесс производства, и т. д. Периодическая пульсация процесса воспроизводства включает в себя периодическую пульсацию процесса обращения в правильном чередовании двух его актов, $T — D$ и $D — T$, «противоположных и **дополняющих друг друга**».

На первый взгляд внутренняя связь обоих актов обращения ($T — D$ и $D — T$), как входящих в один и тот же процесс воспроизводства и друг друга дополняющих, скрыта в виду того, что оба эти акта выступают в обособленном, раздельном виде. Ведь в том и состоит особенность денежного обмена, что «непосредственная тождественность между отчуждением своего продукта труда и получением чужого разделяется им на два противоположных акта продажи и купли». Эта раздельность обоих актов проявляется в том, что: 1) в акте купли наш товаропроизводитель, продавший раньше свой товар лицу **A**, теперь вступает в производственное отношение с другим лицом **B**; 2) акт купли может произойти в другом месте, а не в том, где происходил акт продажи; и 3) акт купли может быть отсрочен на некоторое время, а не следовать сейчас же после акта продажи. Происходит персональный, пространственный и временной разрыв между обоими актами процесса обращения. «Каждая единичная продажа или покупка существует в качестве самостоятельного, изолированного акта; другой акт, являющийся его дополнением, может быть временно и пространственно отделен от него... Любое $D — T$ может примыкать к любому $T — D$, вторая фаза жизненного пути одного товара к первой фазе жизненного пути другого товара». Этот разрыв между обоими актами процесса обращения придает последнему вид «бесконечно случайного сосуществования в последовательности пестро перемешанных членов различных полных метаморфоз». «Действительный процесс обращения **кажется** нам не полным метаморфозом товара, не движением его через противоположные фазы, но простым агрегатом множества покупок и продаж, случайно протекающих рядом или следующих друг за другом».

Эта хаотическая картина процесса обращения не дает нам, однако, правильного представления о последнем, так как в ней «исчезает определенность формы этого процесса», т. е. его закономерный социальный характер. Чтобы вскрыть последний, Маркс по своему обыкновению за этим движением вещей постарался найти определенные производственные отношения людей. Взявши за исходный пункт своего исследования хозяйство товаропроизводителя с присущим ему правильным, ритмическим чередованием процесса производства и обоих актов процесса обращения ($T — D — T$), Маркс нашел тот стержень, вокруг которого вращается беспорядочная пляска товаров на рынке. Этот стержень надо искать не в самих вещах, а в производственных отношениях людей, именно в действиях товаропроизводителя и его взаимоотношениях с миром остальных товаропроизводителей. При всем персональном, пространственном и временном разрыве между обоими актами обращения Маркс нашел в них обоих один устойчивый центр: фигуру товаропроизводителя, участвующего в обоих актах обращения ($T — D$ и $D — T$), и тем включающего их оба в общий процесс воспроизводства, выполняемый его хозяйством. Не отрицая громадного значения, которое имеет разрыв обмена на два противоположных акта купли и продажи, и резко критикуя тех экономистов, которые недооценивают этот момент, Маркс одновременно вскрыл и «известное внутреннее единство» обоих «самостоятельных друг по отношению к другу» актов процесса обращения. Это единство заключается в том, что оба акта $T — D$ и $D — T$ представляют дополняющие друг друга, хотя и обособившиеся звенья единого процесса обращения $T — D — T$. С этой точки зрения любая сделка купли-продажи покажется нам уже не изолированным актом, а займет свое место в общей системе обращения товаров. Поскольку эта сделка рассматривается со стороны покупателя, как $D — T$, она завершает прежний акт продажи, в котором теперешний покупатель выступал в качестве продавца, и подготавливает для него возможность возобновления процесса производства. Рассматриваемая же со стороны продавца, как $T — D$, она завершает закончившийся процесс производства и в свою очередь должна непременно найти свое дополнение в следующем акте $D — T$, хотя бы последний и был отсрочен на некоторое время и был совершен в другом месте. Разобщенные пространственно и временно, оба противоположных акта $T — D$ и $D — T$ связаны между собой, как необходимые звенья единого процесса воспроизводства. Но они связаны не только между собой, но и с другими актами обращения. [Против последнего предложения на полях стоит знак вопроса] Так как каждый из указанных актов возникает в результате взаимодействия (обмена) двух хозяйств, то он входит одновременно в процесс воспроизводства как данного хозяйства, так и его контрагента. «В то время, как он (товар. — *И. Р.*) начинает первую половину обращения и совершает первый метаморфоз, другой товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения; и, наоборот, первый товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения в то самое время, когда третий товар вступает в обращение, проходит первую половину своего пути и совершает первый метаморфоз. Таким образом, обращение $T — D — T$ в целом, как полный метаморфоз одного товара, одновременно представляет собой всегда конец полного метаморфоза другого товара и начало полного метаморфоза третьего товара». Метаморфозы отдельных товаров друг с другом переплетаются. «Кругооборот, описываемый рядом метаморфоз каждого данного товара, неразрывно сплетается с кругооборотами других товаров. Процесс в целом представляет **обращение товаров**».

Необходимо твердо помнить, что не всякий обмен продуктов на деньги подходит под понятие товарного обращения. Обмен становится товарным обращением только при том условии, если он 1) периодически повторяется, и при том 2) в специфической социальной форме $T — Д — T$, предполагающей, что продукция данного хозяйства отчуждается с целью на вырученные деньги купить средства производства и существования, необходимые для дальнейшего производства. Где этого нет, там может быть денежный обмен, но нет обращения товаров в форме, характерной для товарного хозяйства. Возьмем пример из хозяйства позднего средневековья. Крестьянин продавал часть своего хлеба в городе за деньги, а последние вносил в качестве оброка помещику-феодалу. Последний покупал за них у купца предметы роскоши, привозимые последним с Востока. Перед нами ряд сделок купли-продажи или денежного обмена, но нет обращения товаров в форме $T — Д — T$. Крестьянин продает свой хлеб, но вырученные деньги отдает феодалу. За актом $T — Д$ в хозяйстве крестьянина не следует акт $Д — T$. Наоборот, феодал совершает акт $Д — T$, но последний в его хозяйстве не является завершением акта $T — Д$, ибо деньги феодал получил не от продажи продуктов своего хозяйства, а в качестве оброка от крестьянина, т. е. получил их в качестве феодала, а не товаропроизводителя. Феодалская форма производственных отношений между людьми создает особую форму обмена, отличающуюся от формы $T — Д — T$, характерной для товарного хозяйства с присущими ему производственными отношениями между людьми как товаровладельцами. Только в этой социальной форме $T — Д — T$ обмен становится обращением товаров, и только «как посредник в процессе обращения товаров, деньги выполняют функцию средства обращения». Обычно под функцией средства обращения понимают просто роль денег как орудия обмена. Теперь мы видим, что это неверно. Только при определенной социальной форме хозяйства (а именно товарной) и связанной с нею форме обмена (а именно $T — Д — T$) деньги выполняют функцию средства обращения. «Деньги являются здесь средством **обмена товаров**; но это не средство обмена вообще, а средство обмена, характеризующее процесс обращения, т. е. **средство обращения**». В другой же социальной среде, отличающейся другим характером производственных отношений между людьми, деньги могут служить орудием обмена, не выполняя, однако, функции средства обращения в указанном смысле.

Итак, из определенного типа производственных отношений людей как товаровладельцев Маркс выводит определенную форму товарного обращения ($T — Д — T$), которая в свою очередь обуславливает специфическую функцию денег как средства обращения и определенную форму движения денег. Непрерывное, периодическое повторение процесса воспроизводства, организованного на началах товарного хозяйства, предполагает, что товаропроизводитель периодически производит товар, периодически бросает его в обращение, т. е. продает за деньги, и периодически же за вырученные деньги покупает продукты, необходимые ему для возобновления производства. Расходование денег товаропроизводителем в такой форме уже заранее предполагает, что процесс производства будет повторен, и вновь изготовленные товары будут опять проданы, а, следовательно, деньги в результате акта $T — Д$ вернутся обратно к товаропроизводителю, чтобы снова уйти от него в акте $Д — T$. Иначе говоря, происходит периодическая пульсация денег, периодические приливы их в данное хозяйство и отливы из него. «Так как новые потребительные стоимости должны постоянно производиться как товары и поэтому должны быть постоянно снова брошены в обращение, то $T — Д — T$ повторяется и возобновляется теми же самыми товаровладельцами. Деньги, израсходованные ими в качестве покупателей, возвращаются обратно в их руки, как только они выступают снова в качестве продавцов товаров. Постоянное возобновление товарного обращения отражается, таким образом, в том, что деньги не только постоянно перекачиваются из одних рук в другие по всей поверхности буржуазного общества, но одновременно описывают множество различных маленьких кругооборотов, исходя из бесконечно различных пунктов и возвращаясь к тем же пунктам, чтобы снова повторить то же самое движение». Поскольку речь идет о простом, а не расширенном воспроизводстве, т. е. воспроизводстве в прежних размерах, к данному хозяйству периодически приливает и периодически же от него уходит одна и та же сумма денег (предполагая неизменившуюся стоимость товаров и денег).

Так как каждая продажа является одновременно покупкой, и обратно, то каждый прилив денег в данное хозяйство (в акте $T — Д$) означает одновременный отлив той же суммы денег из других хозяйств (в акте $Д — T$). Обратно, каждый отлив денег из данного хозяйства означает прилив их к другим хозяйствам. Иначе говоря, деньги постоянно переливаются из одних хозяйств в другие, задерживаясь в каждом на промежуток времени (то более короткий, то удлиняющийся) между моментом акта продажи $T — Д$ и моментом следующего за ним акта купли $Д — T$. Деньги, следовательно, непрестанно движутся в процессе обращения, и именно в этой своей функции являются средством обращения. Если мы возьмем так называемое «народное хозяйство», состоящее из определенного числа связанных между собой частных хозяйств, то при условии простого воспроизводства и отсутствия внешнего обмена, в данном народном хозяйстве циркулирует определенная сумма денег, постоянно переливающихся из одних хозяйств в другие и неизменно остающихся (за исключением снашиваемых монет) в данной сфере обращения. Только при форме товарного обращения $T — Д — T$ сумма обращающихся денег представляет для данной сферы обращения определенную и постоянную (при неизменяющихся условиях) величину, анализ которой относится к количественной проблеме денег.

Характером товарного обращения в форме $T — Д — T$ определяются основные особенности и денежного обращения: постоянное циркулирование денег в обращении, их периодические приливы к каждому хозяйству и, наконец, функция, выполняемая деньгами в каждом отдельном акте купли-продажи. Здесь мы подходим к своеобразной чер-

те Марксова учения о деньгах, не обращавшей на себя достаточного внимания. **Процесс замены данного товара (холста) золотом (деньгами), а последнего другим товаром (библией) изображается Марксом как процесс изменения форм первого товара (холста).** В этом и состоит центральная идея Марксовой теории «метаморфоза товара», для лучшего выяснения которой мы приведем несколько выдержек из Маркса.

Что мы наблюдаем непосредственно в акте купли-продажи? «Чувственно воспринимаемое явление состоит в том, что товар и золото, 20 арш. холста и 2 фун. стерл., перемещаются из рук в руки или с места на место, т. е. обмениваются друг на друга». Но под этой внешней видимостью замены одной вещи другой Маркс усматривает процесс изменения форм первой вещи. «Товар существует первоначально в виде особенной потребительной стоимости, затем сбрасывает это существование и приобретает в виде меновой стоимости, или всеобщего эквивалента, существование, освобожденное от всякой связи с его натуральным бытием; потом он сбрасывает также этот вид и, в конце концов, остается в виде действительной потребительной стоимости, предназначенной для отдельной потребности. В этой последней форме он переходит из сферы обращения в сферу потребления». В кругообороте Т — Д — Т (холст — золото — библия) золото и библия являются не более, как формами, которые принимает холст. При продаже холста происходит «переселение товарной стоимости из плоти товара в плоть денег». «Тела товаров, потребительные стоимости, перескакивают на сторону денег, а душа их, меновая стоимость, переселяется в самое золото». «Холст превращает свою товарную форму в свою денежную форму», которая «становится затем первым полюсом его последнего метаморфоза, его обратного превращения в библию». Во втором акте Д — Т (покупка библии) продолжается еще движение самого холста, но в превращенной форме денег; «вторую половину обращения товар пробегает уже не в своем натуральном виде, а в своем золотом облачении». Весь процесс Т — Д — Т представляет собой превращение форм или метаморфоз первого товара, холста.

На первый взгляд это учение о метаморфозе товара не может не показаться странным и даже противоречащим действительности. Нам кажется, что золото в акте Т — Д заместило холст, а не является превращенной формой холста. Мы уверены, что одновременно с актом Т — Д, т. е. с продажей холста, последний выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления. Маркс же утверждает, что, хотя «потребительная плоть (холста. — *И. Р.*) выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления», но холст как товар, или меновая стоимость, продолжает еще в виде золота свое движение в обращении. Только тогда, когда это золото, вырученное за холст, будет отдано за библию, холст действительно переходит из сферы обращения в сферу потребления.

Эти, на первый взгляд, не совсем понятные, утверждения Маркса о «перевоплощении» холста в золото и библию приобретают вполне реальный смысл с точки зрения его теории товарного фетишизма. Весь описанный Марксом **процесс метаморфоза товара должен быть рассматриваем как движение производственных отношений людей, не совпадающее с движением вещей, хотя и тесно с ним связанное.** С «вещной» точки зрения (т. е. с точки зрения движения вещей) не происходит, конечно, никакого воплощения холста в золото и библию, а просто холст замещается золотом, а последнее — библией. Но к иному выводу мы придем с точки зрения тех производственных отношений, носителями которых эти вещи являются. Наш товаровладелец произвел холст как товар с определенной меновой стоимостью, получающий уже в самом процессе производства определенную расценку в золоте. Самим фактом производства холста товаровладелец уже вступает в известную производственную связь с другими товаровладельцами: он является претендентом на получение любых других потребительных стоимостей, равноценных его холсту. Меновая стоимость холста и является выражением этой возможности для его производителя вступить в такое производственное отношение обмена. Но пока речь идет только о возможности, о потенциальном производственном отношении обмена. С момента продажи холста, т. е. обмена его на золото, потенциальное производственное отношение между данным товаровладельцем и другими активно проявляется: продукт его поглощается рынком, а он, как владелец золота, становится активным участником производственного отношения обмена. Покупкой библии он и реализует это производственное отношение. Одна и та же производственная связь между данным товаровладельцем и другими, основанная на факте производства им продукта (холста) как товара, проходит через последовательные фазы: из потенциальной она превращается в активную, чтобы потом реализоваться. Единство этой производственной связи во всех ее фазах доказывается тем, что каждая предыдущая фаза необходимо предполагает последующую, а последняя невозможна без первой. **Преемственность разных фаз производственного отношения товаровладельцев отражается в преемственности вещей как носителей этих последовательных фаз.** Так как в товарном обществе люди связываются через вещи, то каждой фазе производственного отношения людей соответствует особая социальная форма вещей: «товарная форма» (холст), «сбрасывание товарной формы» (золото) и «возвращение к товарной форме» (библия). С другой стороны, поскольку разные фазы производственного отношения людей представляют собой известное единство, постольку материально различные носители этих фаз (холст, золото, библия) представляют собой лишь различные формы одной и той же стоимости.

Теперь нам становится понятным, почему с продажей холста холст как стоимость продолжает еще свое существование в виде денег и еще не выходит из сферы обращения. Разумеется, материальное тело холста с продажей его переходит из сферы обращения в сферу потребления. Но прекратилось ли уже производственное отношение, носителем которого был холст, а именно производственная связь между производителем холста и другими товаровладельцами, основанная на факте производства первым из них холста как товара для рынка? Это производ-

ственное отношение с продажей холста не только еще не прекратилось, но только теперь, так сказать, активно проявилось, получило общественно значимую форму. Значит, меновая стоимость холста как выражение этого производственного отношения продолжает еще существовать, будучи «прикреплена» или «овеществлена» в золоте. Только покупкой библии производитель холста реализует и одновременно прекращает свою производственную связь со всеми товаровладельцами, завязанную фактором производства холста. Поэтому только с покупкой библии холст как меновая стоимость выходит из сферы обращения в сферу потребления.

Если холст при продаже принимает форму золота, то, следовательно, золото представляет собой превращенную форму холста. **В обращении золото представляет собой всегда превращенную, или денежную, форму товаров.** Маркс усиленно подчеркивает эту мысль. Конечно, у источника своего производства золото вступает в обращение как простой товар, противостоящий другим и обмениваемый на них в акте непосредственной меновой торговли. В таком акте золото и холст выступают в одинаковой социальной форме, и стоимость каждого из них выражается в другом. Но если отвлечься от этих пунктов вступления нового золота в обращение и взять последнее как непрерывно повторяющийся и продолжающийся процесс, то золото выступает уже не в качестве простого товара, а в качестве денег, т. е. товара, уже уравненного со всеми другими товарами. Здесь стоимость холста выражается односторонним образом, а именно только в золоте, стоимость же золота выражается не количеством холста, покупаемого за него, а может быть выражено только в совокупности всех товаров, т. е. в общем уровне цен. В каждый данный акт обращения золото вступает как превращенная форма какого-нибудь товара. Каждый товаровладелец (кроме золотопромышленника) может выступать в акте $D — T$ в роли покупателя только при том условии, если он предварительно уже продал свой товар и, следовательно, золото в его руках уже представляет собой «воплощение его отчужденного товара». Наш товаровладелец может продать свой холст другому товаровладельцу только при том условии, если тот уже продал свой товар, например пшеницу. Значит, в данный акт $T — D$ (продажа холста) золото вступает уже в качестве превращенной или денежной формы пшеницы. После совершения этого акта продажи холста то же золото становится превращенной формой холста до тех пор, пока оно не будет отдано за библию, и т. д. «Движение золота есть движение превращенного товара».

На первый взгляд утверждение Маркса о характере золота как превращенного товара кажется нам столь же странным и непонятным, как и разобранный выше утверждение, что товар продолжает после продажи существовать в виде золота. Первое утверждение является выводом из последнего и, подобно ему, открывает нам свой смысл только при переводе с языка вещных отношений на язык производственных отношений людей. С вещной точки зрения, золотой рубль есть золотой рубль совершенно независимо от того, получен ли он в результате продажи пшеницы или железа; «в нем невозможно узнать, представляет ли он собой превращенное железо или превращенную пшеницу». Но характер тех производственных отношений обмена, в которые вступит теперь на рынке владелец данного золотого рубля, в немалой степени зависит именно от того, получен ли им этот рубль от продажи пшеницы или железа. **Зависимость действий владельца золота, выступающего в акте $D — T$ в роли покупателя, от предшествующего акта $T — D$ в котором то же лицо являлось продавцом, и означает, что в акте $D — T$ золото выступает как превращенная форма определенного товара.** Это положение помогает нам уяснить себе механизм рыночного обмена.

Предположим, что мы в данный момент делаем как бы моментальный снимок с состояния рынка. Мы находим на одной стороне продавцов, владельцев товара, а на другой — покупателей, владельцев денег. Последние выступают активными участниками обмена, они по своему выбору и, как кажется на первый взгляд, по своему произволу выбирают желательные им товары. Спрос, представленный имеющейся в руках у всех покупателей суммой денег (например, миллионом золотых рублей), кажется нам первичной и определяющей силой рыночного обмена. Будучи величиной определяющей, спрос, со своей стороны, является как бы совершенно неопределенным и с качественной и с количественной сторон. С качественной потому, что он представлен известной суммой однородных, абстрактных денежных единиц (рублей), из которых каждая может быть направлена на покупку любых товаров и, следовательно, не содержит в себе никаких признаков определенно направленного, конкретного спроса. С количественной потому, что сумма миллион рублей входит в рыночный оборот как готовая, данная заранее величина, происхождение которой нам неизвестно.

Изложенное представление о механизме рыночного обмена является в высшей степени односторонним и неправильным, вырывая из него одно звено (спрос) и отказываясь от анализа тех факторов, которыми оно в свою очередь определяется. Такой анализ прежде всего покажет нам, что сумма денег, представляющая в данный момент спрос со стороны покупателей, получена последними от предшествующей продажи изготовленных ими товаров. **Эта сумма денег, следовательно, представляет собой превращенную или денежную форму продукции товаровладельцев, выступающих в данный момент в роли покупателей.** Теперешние акты купли $D — T$ являются дополнением к предшествующим актам продажи $T — D$, теперешний спрос определяется предшествующим процессом производства и с количественной, и с качественной стороны. Очевидно прежде всего, что размер спроса со стороны покупателей зависит от количества товаров или меновых стоимостей, предварительно произведенных и реализованных ими на рынке в предшествующих актах продажи $T — D$. Далее, характер и размеры производства каждого товаровладельца оказывают влияние и на качественную сторону спроса, им предъявляемого к рынку. Это очевидно само собой, поскольку речь идет о спросе на средства производства, сырье, машины, вспомогательные

материалы и проч. В зависимости от того, выручил ли данный товаровладелец свои деньги от продажи железа или пшеницы, он часть вырученных денег по необходимости направит на покупку тех или иных средств производства, необходимых для возобновления процесса труда. Остаток вырученной суммы он истратит на покупку средств потребления. Качество и количество покупаемых им средств потребления зависят прежде всего от величины указанной остаточной суммы, а величина эта, в свою очередь, определяется размерами и способом его производства.

Итак, размеры и характер спроса зависят от размеров и характера производства, акты купли Д — Т действительно являются дополнением к предшествующим актам продажи Т — Д, и золото, фигурирующее в актах Д — Т, представляет собой превращенную или денежную форму продукции, реализованной в актах Т — Д. На золотом рубле не заметно, есть ли он превращенное железо или превращенная пшеница, но дальнейшая судьба его зависит от этого в значительной мере. Тот же самый золотой рубль представляет для крестьянина его превращенную пшеницу, а после перехода его к ткачу — превращенный холст, далее превращенную библию и т. д. На блестящий, твердый, неизменяющийся золотой рубль кладется печать общественных производственных отношений, «носителем» которых он в данном случае является. И здесь, как в остальных частях своей теории, анализ Маркса под застывшими вещами вскрывает подвижно-динамические, текущие производственные отношения людей. Вещные экономические категории приобретают величайшую гибкость, отражая в себе всю многообразную и меняющуюся радугу социальных отношений людей.

Учение Маркса о функции денег в роли средства обращения, как и учение его о мере стоимости, обнаруживают свой глубоко социологический характер в том, что они предполагают как данное определенный тип производственных отношений между людьми как товаровладельцами. Общепринятое представление, будто золото выполняет функцию меры стоимости всюду, где перед актом обмена продукт мысленно приравнивается определенному количеству золота, и функцию средства обращения всюду, где они реально друг на друга обмениваются, — не применимо к Марксовой теории. С изложенной точки зрения золото выполняет обе указанных функции в любом акте случайного обмена, если только оно является общеупотребительным средством для сравнения и обмена разных продуктов (например, при денежном обмене у племен с преобладающим натуральным хозяйством, при случайном обмене в пределах общества с товарным хозяйством и т. п.). С точки же зрения Маркса, здесь может быть речь лишь о процессе возникновения и развития денег, но не о функциях, присущих им в регулярном процессе товарного производства. Здесь нет функции меры стоимости, ибо нет самой стоимости как регулятора производства. Здесь нет средства обращения, ибо нет товарного обращения как необходимой составной части процесса воспроизводства. Только там, где продукт заранее производится как товар и еще в процессе производства получает предварительную расценку в золоте, выражающую тот уровень цены, при котором сохраняется равновесие между данной отраслью производства и другими, — золото выполняет функцию меры стоимости. Только там, где за процессом производства неизменно следует процесс обращения в обеих его фазах (Т — Д и Д — Т), как необходимое условие для возобновления производства, — золото выполняет функцию средства обращения. Легко заметить, что обе указанных функции предполагают развитое товарное хозяйство, в котором производство заранее рассчитано на обмен (отсюда предварительная расценка товара и функция золота как меры стоимости) и, с другой стороны, обмен является лишь промежуточным этапом всего процесса воспроизводства (отсюда метаморфоз товара и функция золота как средства обращения).

VIII. Деньги как сокровище

Если обращение товаров в форме Т — Д — Т совершается более или менее непрерывно, и за каждым актом продажи Т — Д быстро следует дополняющий его акт купли Д — Т, деньги быстро переходят из рук в руки и выполняют функцию средства обращения. «Как только прерывается ряд метаморфоз (товара. — *И. Р.*), и продажа уже не дополняется непосредственно следующей за нею куплей», деньги остаются надолго в руках продавца, выполняя функцию сокровища.

Исторически собирание сокровищ возникло очень рано. Еще до того, как благородные металлы стали деньгами, они уже охотно накапливались как конкретный предмет потребления (т. е. предмет роскоши), по своей прочности наиболее пригодный для сохранения богатства. По мере развития обмена и денег накопление благородных металлов означает уже концентрацию в руках их владельца не только прочных и высокоценных предметов потребления, но «абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности». Только с этого момента можно говорить о сокровище не в смысле совокупности конкретных полезных предметов, а в смысле «общественной силы», концентрированной в руках «частного лица», владельца определенных предметов (золота). При продолжающемся господстве рабского или феодального хозяйства деньги, конечно, еще не являются единственной «общественной силой», как члены общества еще не являются «частными лицами», относящимися друг к другу как независимые друг от друга и равноправные товаровладельцы. Члены общества еще связаны между собой отношениями феодального господства, крепостного права и т. п. Но если владелец денег вынужден считаться с князем или феодалом-помещиком, то, с другой стороны, в силу той же отсталости общественных отношений он обладает тем большим преимуществом по сравнению с владельцем потребительных стоимостей при условии ра-

венства социального положения обоих. Именно преобладание натурального хозяйства и недостаточное развитие обмена делают невозможным и, в лучшем случае, проблематичным превращение любой потребительной стоимости в деньги. Тем сильнее стремление продавца задержать вырученные деньги в качестве сокровища, в качестве общественной силы, которая, правда, еще не заменяет всех других общественных связей, но уже успешно их пополняет, корректирует и понемногу разлагает. Описывая распространенный на Востоке (особенно в Индии) обычай собирания сокровищ, Адольф Вагнер говорит: «Для массы “маленьких” людей сокровище выполняет роль сберегательной кассы на случай нужды, дороговизны, для обеспечения существования... Для богатых, аристократии, князей сокровище служит средством социального и политического господства, а именно для того, чтобы делать подарки, оплачивать услуги, содержать слуг, вести войны, платить налоги и т. п.». В античном и феодальном обществе «профессиональный собиратель сокровищ» часто превращается в ростовщика и своей деятельностью содействует еще большему разложению хозяйственных форм, присущих этим обществам.

В развитом товарном обществе образование сокровищ является одной из нормальных, постоянных и необходимых функций товарного обращения. Если, с одной стороны, последнее предполагает непрерывность кругооборота $T \rightarrow D \rightarrow T$, то, с другой стороны, оно же разрывает этот кругооборот на два акта $T \rightarrow D$ и $D \rightarrow T$, создавая возможность и подчас даже необходимость длительной отсрочки второго акта. Каждый товаровладелец должен выступать попеременно в роли продавца и покупателя, но вместе с тем должен часть вырученных от продажи денег на время задержать у себя, не пуская их в обращение. Как мы видели выше, товаропроизводитель затрачивает вырученные от продажи деньги на покупку средств потребления и средств производства. Для обеих этих целей он должен подчас задержать деньги у себя в виде резервного фонда или сокровища.

Товаропроизводитель совершает продажи своих продуктов периодически, по окончании каждого процесса производства. Периоды продаж, следовательно, обусловлены периодами производства. Крестьянин, например, продает большую часть продуктов ежегодно осенью, в промышленности периоды производства короче, но для каждого товаропроизводителя они представляют данную величину. Затраты же последнего на средства потребления зависят от характера разных потребностей и их периодического повторения. На некоторые потребности (например пищу) затраты делаются периодически, чаще, чем кончается процесс производства, на другие потребности (например одежду, жилище) — реже. Значит, после окончания процесса производства и продажи изготовленной партии товаров, товаропроизводитель должен из вырученных денег сохранить у себя: 1) сумму, необходимую для постепенного израсходования на средства потребления (пищу) в продолжение ближайшего периода производства, и 2) соответствующую сумму для постепенного накопления фонда, подлежащего израсходованию одновременно, по истечении нескольких периодов производства. Если процесс производства продолжается три месяца, а производитель возобновляет свое платье раз в год при затрате в 200 руб., то из сумм, вырученных от продажи продуктов каждого периода производства, должна быть отложена для этой цели сумма в 50 руб.

Такие же резервные формы должны быть отложены из сумм, предназначенных для покупки средств производства в широком смысле слова. Если заработная плата выплачивается рабочим еженедельно, а основной капитал (машины) возобновляется по истечении пяти лет, то после каждого периода производства, продолжающегося три месяца, капиталист должен отложить в резервный фонд: 1) сумму, равную 12-кратной сумме еженедельно выплачиваемой заработной платы, и 2) сумму, равную 1/20 части стоимости изнашиваемых машин. В капиталистическом хозяйстве, где основной капитал достигает огромных размеров, такие суммы, откладываемые на его «амортизацию» или погашение, весьма значительны. В простом товарном хозяйстве разница в периодах расходования различных сумм на средства производства не столь велика, но все же имеется. Поэтому и в простом товарном хозяйстве также необходимо накопление известных, хотя бы и не столь обширных, резервных фондов как для целей потребления, так и для целей производства. Еще более глубокое различие между простым товарным и капиталистическим хозяйством существует в самом способе накопления резервных фондов. При наличии развитой кредитной, в частности банковской системы, о «накоплении» сокровищ можно говорить только в переносном, а не буквальном смысле слова. Товаропроизводитель не «накапливает» у себя резервных сумм, а отправляет их в банк, который пользуется их временным бездействием для выдачи их в ссуду другим товаропроизводителям, нуждающимся в данный момент в наличных деньгах. Но в теории денег Маркс отвлекается от наличия кредитной системы и предполагает действительное накопление, т. е. сохранение каждым товаропроизводителем определенной суммы денег, служащей в качестве резервного фонда.

Итак, если даже мы предположим, что всю сумму денег, вырученную от продажи товаров, товаропроизводитель намерен израсходовать без остатка на покупку средств потребления и средств производства, все же часть этих денег будет временно задерживаться в его руках в качестве резервного фонда. Некоторая часть этих денег будет постепенно расходоваться им в ближайшее же время и поэтому составляет его «кассовую наличность». Это — «монетный резервный фонд» или временно «задержанная монета», которая, хотя в данный момент и не расходуется, но в сущности не выходит из сферы обращения. Этот «монетный резервный фонд» может рассматриваться, как «составная часть денег, постоянно находящихся в обращении», и потому не является сокровищем в смысле «денег», противопоставляемых «монете», т. е. изъятым из сферы обращения. [Конец последнего предложения подчеркнут на полях карандашом] Такую роль «денег», изъятых из обращения, выполняют денежные суммы, которые подлежат израсходованию на средства потребления и средства производства только через более или менее дли-

тельный промежуток времени (например, после изнашивания основного капитала) и потому временно выходят из «потока обращения», оседая или «застывая» в качестве сокровища. Это «резервный фонд покупательных средств», образование которого является необходимым следствием функции денег в качестве покупательного средства, т. е. средства обращения. По мере распространения сделок в кредит и платежной функции денег, товаропроизводитель должен также постепенно накапливать суммы, необходимые для уплаты его долгов к определенному сроку. Возникает «резервный фонд платежных средств», основанный на функции денег в качестве платежного средства. Оба резервных фонда (покупательных и платежных средств) образуют сокровище или «денежный резервный фонд» в отличие от упомянутого «монетного резервного фонда».

До сих пор мы предполагали, что деньги, извлекаемые временно из обращения в качестве резервного фонда, в определенный момент должны быть опять брошены в обращение. Иначе говоря, мы предполагали, что в конечном счете все деньги, выручаемые товаропроизводителем от продажи продуктов, затрачиваются на покупку других продуктов. Возможно, однако, что часть этих денег товаропроизводитель задерживает у себя с намерением вообще не пускать их больше в обращение. В таком случае мы имеем дело уже не с временным (кратковременным при монетном резервном фонде и более длительным при денежном резервном фонде) перерывом между актами $T \rightarrow D$ и $D \rightarrow T$, но все обращение заканчивается на акте $T \rightarrow D$, за которым второй акт, покупка $D \rightarrow T$, вовсе не следует. Деньги, вырученные от продажи $T \rightarrow D$, превращаются в сокровище, которое мы в отличие от денежного резервного фонда можем обозначить как «накопленное сокровище». Это и есть накопление сокровищ в точном смысле слова.

Рассмотрим теперь, при каких технических и социальных условиях производства возможно такое накопление сокровищ как более или менее постоянное явление. Для того чтобы товаропроизводитель мог задержать в виде накапливаемого сокровища часть денежной выручки от продажи продуктов, необходимо, чтобы эта выручка оставляла ему некоторый излишек сверх суммы, требующейся на покупку средств потребления и средств производства. Сократить покупку средств производства товаропроизводитель не может, так как неизбежным следствием этого явится сокращение размеров будущего производства и, следовательно, уменьшение будущей выручки, или дохода. Правда, товаропроизводитель может сократить свои потребности и уменьшить расходы на покупку средств потребления. Такое сокращение личного потребления, действительно, широко практикуется в крестьянском и ремесленном хозяйстве, но ограничено, конечно, узкими рамками. Чаще всего «экономия» на личном потреблении, характеризующая первые стадии накопления сокровищ в докапиталистическую эпоху, заключается не столько в сокращении личного потребления, сколько в отказе от его расширения, возможного при данном уровне развития производительных сил. Производительность труда товаропроизводителя достигла уже такого развития, при котором продажная цена его продуктов оставляет излишек за покрытием расходов по покупке обычных предметов потребления и необходимых средств производства.

Технические условия производства допускают, следовательно, возможность расширения личного потребления, но социальная форма процесса производства, а именно развитие денежного обмена и «общественной силы» денег, побуждает товаропроизводителя задержать эти деньги в виде сокровища. Таким образом, положительными условиями накопления сокровищ в описанной примитивной форме являются: известный уровень развития производительности труда и развитие денег как «абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности» и потому всегда желательной товаровладельцу. Благодаря первому условию товаропроизводитель после продажи продуктов и покрытия необходимых расходов получает известный денежный излишек, второе условие побуждает его к отказу от затраты этого излишка на расширение личного потребления; в итоге денежный излишек сохраняется в качестве «накапливаемого сокровища». Накопление сокровищ, принимающее постоянный характер, показывает, что хозяйство данного товаропроизводителя уже переросло пределы, диктуемые необходимостью удовлетворения личных потребностей его и его семьи. «В действительности накопление денег ради денег представляет собой варварскую форму производства ради производства, т. е. развития производительных сил человеческого труда за пределы традиционных потребностей».

В капиталистическом хозяйстве накопление сокровищ превращается в накопление капитала и совершенно изменяет свой характер. Свой добавочный доход капиталист, как и собиратель сокровищ, не затрачивает (или затрачивает лишь в незначительной мере) на расширение личного потребления, а «накапливает» (так называемая «накопленная часть прибавочной стоимости»), в отличие от ее «потребляемой» части). Но в отличие от собирателя сокровищ он не извлекает этих добавочных денег из обращения, а опять пускает их туда: он либо расширяет свое производство, т. е. закупает новые средства производства и рабочую силу, либо отдает деньги, обычно через посредство банков, в ссуду другим капиталистам для расширения их производства. Даже на тот короткий срок, пока эти деньги не могут быть пущены в дело, он не держит их у себя, а отправляет на свой текущий счет в банк, получая за это соответствующий процент. Современная банковая система дает капиталисту возможность сохранить за собой «общественную силу», предоставляемую деньгами (а именно возможность выступить в любой момент активным участником производственного отношения обмена), не сохраняя у себя самих денег. Капиталист концентрирует в своих руках социальную «власть денег», не удерживая в своих руках самих вещей, обладающих свойствами денег. Но на примитивных стадиях развития концентрация социальной «власти денег» в руках отдельных товаропроизводителей — при присущем товарному хозяйству «овеществлении» производственных отношений людей —

возможна только в форме реальной концентрации вещей — денег (золота). «Для варварски примитивного товаро-владельца, даже, например, для западноевропейского крестьянина, стоимость неотделима от формы стоимости, и потому накопление сокровищ в форме золота и серебра совпадает с накоплением стоимости». Предметом накопления являются, так сказать, «деньги в натуре», в виде золотых и серебряных монет или слитков, могущих быть превращенными в монеты. На Востоке широко распространен обычай зарывания денег в землю, в Европе прятали деньги в «кубышки», «чутки» и т. п. Эта примитивная форма накопления сокровищ была широко распространена в докапиталистический и на ранних ступенях капиталистического периода и еще до сих пор встречается в кругах мелкой буржуазии, особенно крестьянства.

Наряду с накоплением сокровищ в виде монет и слитков существует накопление «сокровищ в эстетической форме», в виде золотых и серебряных товаров, конкретных предметов потребления и роскоши (сосуды, украшения и т. п.). То обстоятельство, что эти предметы сделаны из того же материала, который служит в качестве денег, выделяет их из круга прочих предметов потребления. Хотя в своей непосредственной форме они представляют собой конкретные предметы потребления, но, во-первых, они в любой момент могут быть превращены в деньги, и, во-вторых, употребление их в качестве потребительных стоимостей служит наиболее ярким и наглядным показателем общественной власти денег, концентрированной в руках их владельца. «Если на известных ступенях производства товаровладелец скрывает свое сокровище, то повсюду, где он может делать это с безопасностью, он чувствует влечение явиться перед другими товаровладельцами в качестве *ricco hombre* (богача). Он старается позолотить себя и свой дом». Если в крестьянской и вообще мелкобуржуазной среде часто встречаются типы «скупых», собирающих свои сокровища кирпич за кирпичиком, ценой отказа себе в самом необходимом, то на дальнейших стадиях развития буржуазии являются затраты на предметы роскоши. В спокойные времена в кругах средней буржуазии вырабатываются своего рода нормы роскоши: стыдно иметь меньше золотых вещей, чем сколько принято иметь в данном социальном кругу, но вместе с тем зазорно выставлять напоказ чрезмерное количество предметов роскоши, явно не соответствующее имущественному положению данной семьи. Резкое превышение нормы превращает употребление драгоценных вещей из формы собирания сокровища в признак расхищения наличных сокровищ, в «мотовство», «расточительность». Такое чрезмерное употребление предметов роскоши обычно распространено в кругах быстро разбогатевшей буржуазии, среди выскочек — «нуворишей» (новых богачей). Если на переломе от феодализма к капитализму мелкая и средняя буржуазия ведет «пуританский» образ жизни и резко осуждает феодальное дворянство за мотовство и расточительность, то быстро разбогатевшие верхи буржуазии стараются затмить последнее блеском своего образа жизни.

Золото, изъятое из обращения в той или иной форме (монетный резервный фонд, денежный резервный фонд, накапливаемое сокровище, сокровище в эстетической форме), не отделено непреходимой границей от золота, находящегося в обращении. Повседневное золото переходит из сферы обращения в форму сокровища и обратно. Если оба процесса уравнивают друг друга, количественное соотношение между золотом, находящимся в обращении, и сокровищем остается без перемены. Если для сферы обращения требуется больше денег (например, вследствие увеличения товарных оборотов или повышения товарных цен), часть золота из формы сокровища вливается в сферу обращения. Обратное, т. е. увеличение сокровища, имеет место при противоположных условиях. Таким образом, сокровище выполняет роль резервуара, из которого сфера обращения получает необходимое ей добавочное количество денег и куда она выбрасывает излишнее количество денег. Таким образом достигается приспособление количества денег, находящихся в обращении, к потребностям товарного обращения, и деньги «никогда не переполняют каналов самого обращения». При металлическом обращении количество находящихся в обращении денег автоматически регулируется действием стихийного механизма денежного обращения.

Связь между сокровищем и сферой обращения носит, однако, неодинаковый характер для различных частей золота, изъятого из обращения. Монетный резервный фонд постоянно притекает в обращение и, собственно говоря, может рассматриваться, как находящийся постоянно в сфере обращения. Денежный резервный фонд притекает в обращение в сроки, определяемые его характером и назначением (например, когда изнашивается машина или наступил срок платежа). Накопленное сокровище (в капиталистическом хозяйстве — банковские резервы) приливает частично в сферу обращения обычно в моменты усиленной потребности последней в деньгах, например в моменты наивысшего подъема конъюнктуры, когда увеличивается количество обращающихся товаров и одновременно повышается их цена. Наконец, наиболее отдаленная и слабая связь соединяет сферу обращения с сокровищем в эстетической форме, т. е. золотыми и серебряными товарами. Только в периоды общественных бурь, войн, революций и т. д. подобные предметы роскоши в значительных размерах превращаются в деньги.

Переход золота из формы сокровища в сферу обращения и обратно означает перемену его социальной функции или формы, причем натуральная форма его в большинстве случаев остается неизменной. Те же самые золотые монеты могут служить сегодня средством обращения, завтра резервным фондом, а после этого накапливаемым сокровищем. Поскольку последнее состоит не из монет, а из золотых и серебряных слитков, последние могут в той же форме слитков войти в сферу международного обращения, или же легко могут быть перечеканены в монету для нужд внутреннего обращения. Такой же перечеканке легко подвергаются, в случае надобности, и золотые и серебряные товары. Эта способность благородных металлов переходить из монетной формы в форму слитков, из последней в форму предметов роскоши и обратно — делает их материалом, в высшей степени пригодным для выполнения

функции «денег, которые постоянно должны переходить из одной определенности формы в другую».

Выводы Маркса о функции денег как сокровища относятся преимущественно к той примитивной форме накопления сокровищ, которая соответствует условиям простого товарного хозяйства. Они дают нам поэтому сравнительно мало материала для понимания экономической функции и характера сокровища в условиях капиталистического хозяйства с его высоко развитой и в высшей степени сложной кредитной системой. Но, с другой стороны, указанные выводы Маркса дают нам крайне интересный социологический материал, который обычно не обращал на себя внимания и на котором необходимо поэтому остановиться подробнее.

Выше, в главе о средстве обращения, мы видели, что деньги выполняют определенную функцию (средства обращения) лишь при наличии известных производственных отношений между товаровладельцами (выполняющими попеременно роли продавца и покупателя) и известной формы товарного обращения (кругооборота $T — Д — Т$). Теперь мы должны показать ту же связь между различными социальными явлениями (производственными отношениями людей, формами товарного обращения и функциями или формами денег) и на примере функции денег как сокровища. Выше было уже отмечено, что деньги превращаются в сокровище «благодаря тому, что товар прерывает процесс своего метаморфоза» и «продажа не переходит в покупку». Происходит разрыв между $T — Д$ и $Д — Т$, и, следовательно, изменяется самый характер товарного обращения. «Вместе с тем **деньги** окаменевают в виде **сокровища**, и **продавец товаров** становится **собирателем сокровищ**». Перед нами процесс одновременного и параллельного изменения социального характера **людей**, **товаров** и **денег**. Посмотрим, в чем заключается изменение производственных отношений людей, т. е. чем отличается позиция собирателя сокровищ в общественном производственном процессе от позиции товаровладельца, не накапливающего сокровищ.

Функция денег как средства обращения в непрерывном кругообороте $T — Д — Т$ предполагала, что каждое частное хозяйство покупает продукты на всю ту сумму денег, на которую оно предварительно продало своих собственных продуктов, т. е. предполагала равновесие между производством и потреблением каждого частного хозяйства. Накопление же сокровищ данным товаровладельцем начинается именно тогда, когда нарушается равновесие между его производством и потреблением, когда первое превышает размеры последнего, когда в обращение бросается больше товаров (т. е. на большую сумму меновой стоимости или денег), чем извлекается оттуда же в виде товаров, а вся разница извлекается из обращения в виде денег и сохраняется как сокровище. «Владелец товаров, который теперь стал собирателем сокровищ, должен возможно больше продавать и возможно меньше покупать». Преобладание производства над потреблением означает изменение позиции, занимаемой данным частным хозяйством в совокупном общественном процессе производства; изменение количественного соотношения между продажами и покупками означает качественное изменение производственных отношений, связывающих данного товаровладельца с другими.

Итак, когда собиратель сокровищ продает свой товар, этот его акт продажи $T — Д$ с внешней стороны как бы ничем не отличается от аналогичных актов продажи, совершаемых товаровладельцами, не накапливающими сокровищ. Но по существу между ними глубокая разница. Товаровладелец, как участник кругооборота $T — Д — Т$, продает свою продукцию, которая после этого в измененной форме (т. е. после продажи ее и покупки на вырученные деньги средств потребления и средств производства) им же потребляется, поэтому вслед за социальной ролью продавца он выполняет роль покупателя. Собиратель же сокровищ продает товар на сумму, составляющую превышение его производства над потреблением; он выступает в односторонней социальной роли продавца и одновременно собирателя сокровищ. Акт продажи $T — Д$, выступая в изолированном виде, отличается от акта продажи $T — Д$, входящего в непрерывный кругооборот $T — Д — Т$, не только условиями своего происхождения и объективным результатом, но и своим субъективным движущим мотивом. В кругообороте $T — Д — Т$ продажа совершается именно ради следующей покупки и, следовательно, имеет целью замену одной потребительной стоимости T_1 через посредство денег $Д$ другой потребительной стоимостью T_2 . Конечная цель кругооборота $T — Д — Т$ лежит в потреблении. При накоплении же сокровищ продажа $T — Д$ совершается не с целью получить деньги для покупки, а исключительно для того, чтобы превратить T в $Д$, получить вместо товара его денежный эквивалент. «Товар продается не для того, чтобы купить другие товары, а для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится самоцелью». Как видим, превращение денег из средства обращения в сокровище предполагает целый комплекс социальных явлений, представляющий собой одновременное и параллельное изменение соотношения между производством и потреблением, производственных отношений товаровладельцев, движущих мотивов обмена, форм товарного обращения и функций или форм денег.

На первый взгляд может показаться, что конечной причиной перехода от кругооборота $T — Д — Т$ к накоплению сокровища является изменение движущих мотивов товаропроизводителя, участвующего в обмене. Такое понимание, которое ищет конечной причины изменения экономических явлений в психике хозяйствующих лиц, как нельзя более чуждо Марксу. Верный методу исторического материализма, Маркс и в данном случае с силой подчеркивает, что самый факт появления у участников обмена нового типа хозяйственной мотивации является результатом изменившихся производственных отношений людей. Стремление превратить товар в деньги может сделаться самостоятельным мотивом обмена только при том условии, если уже произошло обособление денежной формы

продукта от его товарной формы, если товаровладельцы своими действиями уже придали одному товару характер денег, обладающих способностью всеобщей непосредственной обмениваемости. «Жажда обогащения, в отличие от страсти к особенному натуральному богатству или к потребительным стоимостям, каковы платья, украшения, стада и т. п., возможна только тогда, когда всеобщее богатство как таковое индивидуализировалось в виде особого предмета и потому может быть сохранено в виде единичного товара. Деньги, следовательно, являются настолько же предметом, как и **источником** жажды обогащения». Если жажда обогащения является уже результатом появления денег, то, обратно, последнее необходимо рождает новый движущий мотив обмена, стремление обменять товар на деньги с целью накопления сокровища. «Товарное обращение уже с самых первых зачатков своего развития вызывает к жизни **необходимость и страстное стремление** удерживать у себя продукт первого метаморфоза, превращенную форму товара, или его денежную куколку». [Пометка на полях к следующему предложению: «Выбросить»] «Вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается жажда золота». «Благодаря одному тому **факту**, что товаровладелец может удерживать товар в его форме меновой стоимости или самое меновую стоимость как товар, обмен товаров с целью получить их обратно в превращенной форме золота становится **мотивом** самого обращения». Новые экономические «факты» рожают новые экономические «мотивы», общественное **действие** товаропроизводителей, имеющее своим результатом появление денег, вызывает к жизни и новый тип хозяйственной **мотивации**.

Этот новый тип хозяйственной мотивации заключается в том, что товаровладелец вступает в обмен уже не с целью получить «пропитание», заменить одну потребительную стоимость другой, как в кругообороте $T — D — T$, но с целью получить и сохранить денежную форму своего товара. Он хочет только совершить «перемену формы», а именно придать своему продукту другую социальную форму (денежную), а себе самому другой социальный характер, характер субъекта «общественной власти денег», обладающего способностью выступать в любой момент активным участником производственных отношений обмена. Накопление сокровищ пробивает первую брешь в простом товарном (ремесленном и крестьянском) хозяйстве, основанном «на идее пропитания». Целью хозяйства становится меновая стоимость сама по себе, а не как средство приобретения потребительной стоимости. «В сущности в основе здесь лежит тот факт, что целью становится меновая стоимость как таковая, а тем самым и ее умножение». Это стремление к умножению меновой стоимости обще собирателю сокровищ с капиталистом. Но между ними существует глубокая разница. Последний при наличии развитого капиталистического хозяйства и, в частности, класса наемных рабочих имеет возможность увеличивать свою стоимость, бросая ее в обращение. Формулой движения капитала является $D — T — C — (D + d)$, т. е. «самовозрастание» стоимости в процессе обращения (включающем в себя и процесс производства). В докапиталистическую же эпоху собирателю сокровищ остается только другой путь умножения меновой стоимости: повторять акты продажи $T_1 — D_1$, $T_2 — D_2$, $T_3 — D_3$ и т. д., удерживая в своих руках денежные суммы и постепенно прибавляя их друг к другу. Вместо «самовозрастания» стоимости здесь возможна только ее «аккумуляция» в буквальном смысле слова, т. е. накопление или прибавление одной суммы к другой: $D_1 + D_2 + D_3$ и т. д. В то время как капиталист бросает деньги в обращение, собиратель сокровищ «спасает» их от обращения, задерживая их у себя и препятствуя им выполнять функцию средства обращения.

Не значит ли это, что деньги в качестве сокровища вообще не выполняют никакой социальной функции, что теврирование денег, особенно в форме зарывания в землю, вырывает их из сети общественных связей и означает полное, хотя и временное, прекращение их социальных функций? Некоторые экономисты и полагают, что сокровище выполняет особую «экономическую функцию» только с того момента, когда оно выдано его владельцем в ссуду другому лицу, но не в то время, когда оно изъято из обращения. Маркс предвидел это сомнение и дал на него ответ. Как всегда, внимание его направлено не на золото, зарытое в землю, а на общественное производственное отношение, носителем которого оно является. «Сокровище представляло бы собой только бесполезный металл, его денежная душа отлетела бы от него, и оно осталось бы как потухший пепел обращения, как его *caput mortuum*, если бы оно не находилось в состоянии постоянно напряженного стремления к обращению». Эта мысль Маркса, выраженная в метафорической форме, становится понятной в свете его учения об овеществлении производственных отношений людей. Эти общественные отношения и составляют «душу» вещей, которые без них превращаются в «потухший пепел», в «тело» без «общественного *nervus rerum*». В товарном хозяйстве «общественная сила», заключающаяся в возможности устанавливать производственные отношения обмена, принадлежит лицу как владельцу «внешней вещи, которая может стать частной собственностью всякого человека. Общественная сила становится таким образом частной силой частного лица». Именно для концентрации в своих руках этой общественной силы товаровладелец и вырывает золото из общественной связи процесса обращения. «Общественное богатство как скрытое под землей, непреходящее сокровище ставится в совершенно скрытое частное отношение к товаровладельцу». «Общественная связь в своей компактной (уплотненной) форме — для товаровладельца эта связь состоит в товаре, а адекватной формой товара являются деньги — предохраняется от общественного движения». Зарывая сокровище в землю, собственник его, однако, не вырывает себя из сети общественных связей, соединяющей его со всем обществом товаропроизводителей. Отказывая себе в самом необходимом и ведя образ жизни анахорета, он никоим образом не является анахоретом, убежавшим в пустыню от людей. Собственник золота, хотя бы и зарытого в землю, не перестает быть обладателем общественной силы, носителем которой золото является. Сила эта находится в потенциальном состоянии и при наступлении благоприятных условий активно проявляется: со-

биратель сокровищ превращается тогда в ростовщика, торговца или промышленного капиталиста. Но и до этого момента он, при всем своем кажущемся асоциальном характере, на самом деле представляет собой определенный социальный тип. Свое сокровище он получает посредством известных общественных действий, а именно ряда повторных актов продажи, не дополняемых актами купли. Он постоянно стремится к повторению этих действий. Цитированные слова Маркса о том, что сокровище находится «в состоянии постоянно напряженного стремления к обращению», относятся, конечно, к собирателю сокровища. Само сокровище может быть зарыто в землю, но его «денежная душа, его постоянное стремление к обращению» продолжает жить в его собственнике, как стремление к постоянному повторению актов продажи и накопления.

Эту тенденцию накопления к повторяемости или «безграничный характер» накопления Маркс выводит опять-таки из социальной природы денег как объекта накопления. «Качественно или по своей форме деньги не имеют границ, т. е. являются всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар. Но в то же время каждая реальная денежная сумма количественно ограничена, является средством купли с ограниченной покупательной способностью. Это противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег заставляет собирателя сокровищ все снова и снова предпринимать сизифов труд накопления». «Образование сокровищ не имеет, следовательно, в самом себе никакой присущей ему внутренней границы, никакой меры, но есть бесконечный процесс, который в каждом достигнутом им результате находит **мотив своего начала**». Социальная природа денег как всеобщего эквивалента не только вызывает к жизни накопление денег как новый движущий мотив обмена, но и постоянно поддерживает этот мотив в действии. Она создает **тенденцию к повторяемости актов накопления и к закреплению его движущих мотивов**. Повторение и закрепление определенного типа хозяйственной мотивации накладывает свою печать на всю **психику** собирателя сокровищ. Повторность актов накопления делает из их субъекта определенный социальный тип или **экономический характер**.

Маркс несколькими штрихами рисует психологию собирателя сокровищ, исполненную противоречий и не раз служившую предметом изображения в литературе. Собиратель сокровищ «интересуется богатством только в его общественной форме и потому зарывает его от общества. Он стремится к товару в его постоянно пригодной для обращения форме и потому извлекает его из обращения. Он грезит о меновой стоимости и потому отказывается от обмена». В основе этого противоречия лежит противоречие между «функциональным» и «материальным» существованием денег, между общественным производственным отношением и его вещным носителем: необходимость удержать вещь в своем «частном» обладании, чтобы иметь возможность выступать субъектом «общественных» отношений, и придает накоплению сокровищ его основанный на противоречиях характер.

Повторность актов накопления и свойственных им движущих мотивов делает из их субъекта определенный социально-экономический тип. В этом отношении социальная роль собирателя сокровищ отличается от социальной роли простого товаровладельца, участвующего в кругообороте $T — D — T$. Покупатель или продавец в кругообороте $T — D — T$ совершает определенный «общественный акт» или выполняет «экономическую функцию». Но выполнение функции данного рода (например продавца) уже предполагает в этом случае необходимость выполнения тем же лицом функции противоположного рода (т. е. покупателя). Каждое лицо выполняет попеременно различные функции. «Следовательно, купля и продажа представляют не прочно фиксированные функции, но функции, постоянно меняющиеся в процессе товарного обращения тех индивидуумов, которыми они выполняются». В отличие от таких «мимолетных ролей, выполняемых попеременно одними и теми же деятелями обращения», имеются экономические роли, которые «обнаруживают способность к более прочной кристаллизации», т. е. закрепляются за отдельными лицами, становясь их специальной экономической функцией и накладывая на них постоянную печать. В одной из первых глав мы показали, что противоположность между покупателем и продавцом представляет собой первую, зачаточную форму социальной дифференциации между товаровладельцами. Но то была лишь дифференциация экономических функций без дифференциации индивидуумов, так как каждый товаровладелец выполнял попеременно и кратковременно обе функции. Но поскольку экономическая функция создает тенденцию к повторению именно действий данного рода и вытеснению действий противоположного характера, она делает из данного субъекта определенный социально-экономический тип. Такой именно способностью к кристаллизации отличается в высокой степени накопление сокровищ с его тенденцией к закреплению определенного типа хозяйственной мотивации и к повторению данных действий. Накопление сокровищ создает таким образом «профессионального собирателя сокровищ», **дифференциация экономических функций закрепляется как дифференциация индивидуумов**. Данное производственное отношение товаровладельцев или — что то же самое — их общественное действие, создавая условия своего постоянного воспроизводства и повторения одними и теми же лицами, накладывает известную печать как на лиц, участников действия, так и на вещи, фигурирующие в качестве связующего звена между лицами. Накопление сокровищ, как ряд повторяющихся действий, «фиксируется» или «кристаллизуется»: 1) в функции денег как сокровища и 2) в социальном типе собирателя сокровищ со свойственным ему психическим укладом. Социальный характер действий людей определяет социальный тип этих людей и их психику, с одной стороны, и социальную форму вещей, с другой. Дифференциация экономических функций (т. е. производственных отношений) приводит к дифференциации экономических характеров лиц, с одной стороны, и экономических вещных категорий, с

другой. Превращение простого товаропроизводителя в собирателя сокровищ представляет первый шаг на пути от общества равных товаропроизводителей к обществу капиталистическому с его глубокой дифференциацией лиц, выражающейся в классовом делении общества.

Переход от «мимоletной роли» покупателя или продавца к «кристаллизованной» роли собирателя сокровищ находит себе интересную параллель в переходе от «мимоletной» функции денег как средства обращения к их «застывшей», «кристаллической» функции сокровища. Маркс проводит резкое различие между «деньгами в их текучей форме» и деньгами «как кристаллическим продуктом обращения». К первым относится средство обращения, к последним — сокровище, как и платежное средство. Для пояснения разницы между ними Маркс часто прибегает к образному сравнению их с процессом кристаллизации и вообще с процессами перехода тела из жидкого состояния в твердое. Средство обращения противопоставляется сокровищу, как «текучая форма богатства» «его окаменелости». «Чтобы деньги постоянно текли в качестве монеты, монета должна постоянно застывать в качестве денег». «Средство обращения застывает (erstarrt) в деньги». Переход средств обращения в сокровище характеризуется, как «застывание» (Erstarrung); сокровище же при обратном переходе в обращение «разливается» (ergießen). Конечно, в данном случае все эти сравнения навязывались Марксу уже одним тем фактом, что золото в качестве средства обращения действительно движется или «течет», а в качестве сокровища при примитивной форме накопления действительно лежит неподвижно, «застывает». Но нельзя не обратить внимания, что те же сравнения употребляются Марксом и в тех случаях, когда не может быть никакой речи о действительной иммобилизации какой-нибудь реальной вещи. «Кристаллизация» означает у него чаще всего длительное закрепление за вещь определенной социальной формы или за лицом — определенного социального характера. Поэтому, надо думать, Маркс относит средство обращения к «текучей» форме денег не только потому, что вещь, выполняющая эту функцию, действительно движется, но и потому, что соответствующие экономические функции продавца или покупателя носят «мимоletный» характер, будучи выполняемы кратковременно и попеременно разными лицами». Сокровище же относится к «застывшим», «кристаллическим» формам денег не только потому, что оно лежит неподвижно в земле или в кубышке, но и потому, что соответствующая экономическая функция собирания сокровищ имеет тенденцию «кристаллизироваться» или длительно закрепляться за определенным индивидуумом. И здесь, как и в других частях Марксовой системы, различие социальной формы вещей отражает различие общественных производственных отношений людей.